

СТРАХ ЗАРАЗИТЕЛЕН

ПРИЗРАК
МАДАМ
КРОУЛ

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН
ЛЕ ФАНЮ

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Призрак мадам Кроул

Серия «Любимые детективы (Феникс)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69644617
Призрак мадам Кроул / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; пер. с англ.
Ларисы Соловьевой: Феникс; Ростов н/Д; 2023
ISBN 978-5-222-40791-2*

Аннотация

Ле Фаню – яркий представитель готической прозы Викторианской эпохи, отдававший предпочтение мистической и оккультной тематике, но не чужавшийся и детективных мотивов. Его яркие, увлекательные и необычайно детализированные произведения, в которых нередко присутствует элемент «скрытого преступления», читаются с интересом до сих пор. Ну и какая уважающая себя история о преступлении из туманной Ирландии обойдется без присутствия призраков, банши и проклятий?

Содержание

Призрак мадам Кроул	5
Завещание сквайра Тоби	29
Дьявол Дикон	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Джозеф Шеридан Ле Фаню Призрак мадам Кроул

Перевод Ларисы Соловьевой

ФЕНИКС

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Перевод: Л. Соловьева

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Призрак мадам Кроул

Это сейчас я уже стара, а в ту ночь, когда я отправилась в Эпплуэйл-холл, мне было всего тринадцать. Моя тетя работала там экономкой. В Лексхо меня ожидало некое подобие кареты, запряженное всего одной лошадью: этот нехитрый транспорт должен был доставить меня вместе с моим сундучком к месту назначения.

Я и так была немного напугана, а когда увидела этот странный экипаж, то и вовсе захотела обратно, домой – к матери в Хейзелден. Я плакала, усаживаясь в шэй¹ – так мы называли эти повозки, – и Джон Малбери, добродушный старик-кучер, купил в «Золотом льве» несколько яблок, чтобы немного подбодрить меня. А еще он сказал, что у тети в ее большом доме меня ждут смородиновый пирог, чай и свиные отбивные – все горячее и вкусное. Была прекрасная лунная ночь, и я грызла яблоки, глядя в окно шэя.

Как не стыдно было джентльменам-попутчикам пугать бедное глупое дитя, каким я была в ту пору! Возможно, от скуки они просто хотели надо мной посмеяться. Их было двое: они начали расспрашивать меня, куда направляюсь.

---

¹ Одноконный шэй – открытое двухколесное транспортное средство, американская адаптация французского фаэтона. Его похожий на кресло кузов, в котором пассажиры сидели на одном сиденье над осью, подвешивался на паре пружин, прикрепленных к оглоблям (*здесь и далее прим. ред.*).

Ну, я и сказала им, что иду в услужение к даме Арабелле Кроул из Эпплуэйл-холла, недалеко от Лексхо.

– Хо! Думаю, надолго ты там не удержишься! – заявил один из них.

Я посмотрела на него в изумлении, как бы говоря взглядом: «С чего бы это?». Однако раз уж с умным видом ввязалась в разговор, надо было его поддерживать.

– Если тебе дорога жизнь, никому ничего не говори, а внимательно наблюдай за леди Кроул. Ты сама убедишься – она одержима дьяволом и больше чем наполовину призрак, – поведал мне все тот же джентльмен. – У тебя есть Библия?

– Да, сэр, – ответила я. Мама и правда положила мне в саквояж маленькую Библию. Эта Библия до сих пор хранится у меня в шкафу, хотя шрифт теперь слишком мелкий для моих старых глаз.

Мне показалось, что собеседник подмигнул своему другу, хотя в этом я не уверена.

– Тогда не забывай каждую ночь класть ее под подушку: это убережет тебя от когтей старой ведьмы, – предупредил он.

Как же меня напугали его слова, вы не представляете! Мне очень хотелось расспросить его о пожилой леди, но я была слишком застенчива, поэтому промолчала, и мои попутчики заговорили о своих делах. А затем мы проехали Лексхо и направились к особняку. Все внутри у меня словно оборвалось, когда экипаж выехал на темную аллею. Вокруг росли

огромные, почти такие же старые, как и дом, деревья. Толстые стволы некоторых из них едва обхватили бы, раскинув руки и соприкасаясь кончиками пальцев, четыре человека.

Я высунулась в окно и вытянула шею, пытаюсь скорее увидеть дом — и внезапно мы остановились прямо возле него.

Передо мной возвышалось массивное здание с громадными черными поперечными балками и белыми, как простыни, фронтонами, ярко освещенными луной. Тени от деревьев падали на фасад — такие четкие, что можно было сосчитать листья. В окнах главного зала мерцало множество маленьких ромбовидных стекол. Тяжелые ставни по старинке крепились на петлях к стене снаружи и закрывали все остальные окна на фронтоне. В особняке проживали всего трое или четверо слуг и одна старая леди, поэтому бóльшая часть комнат пустовала.

От осознания того, что мое путешествие подошло к концу и я стою перед мрачным домом леди, которой я никогда не видела (впрочем, как и своей тетки), но уже заранее боюсь, мое сердце заныло.

В холле тетя поцеловала меня и провела в свою комнату. Этой высокой и худой женщине с бледным лицом и темными глазами было за пятьдесят. Ее длинные тонкие руки были обтянуты черными митенками. Говорила тетушка мало — однако каждое ее слово звучало как закон. У меня нет причин жаловаться на нее, несмотря на ее суровость. Но, думаю, тетя отнеслась бы добрее ко мне, будь я ребенком ее сестры,

а не брата.

Сквайр – внук госпожи Кроул, мистер Шевеникс Кроул – обычно два-три раза в год приезжал в особняк убедиться, что за старой леди хорошо ухаживают. За все время, проведенное в Эпплуэйл-холле, я видела его всего дважды.

Не могу сказать, что о мадам старательно заботились только для того, чтобы угодить сквайру. На самом деле у моей тети и у горничной Мэг Уиверн просто имелась совесть, и они честно выполняли свой долг.

Мэг Уиверн – это моя тетя называла ее так, я же обращалась к ней «миссис Уиверн» – была полной веселой женщиной лет пятидесяти, высокого роста и широкой в плечах. Она всегда пребывала в приподнятом настроении и по дому передвигалась не спеша. Уиверн платили хорошее жалованье, но в силу некоторой скупости она держала свою парадную одежду под замком, а носила одно и то же добротное хлопчатобумажное платье шоколадного цвета с узором в виде красных, желтых и зеленых веточек и горошин, и сносу этому платью не было.

За все время, что я жила там, добродушная Мэг ни разу не сказала мне грубого слова и часто смеялась, а еще без конца болтала за чаем. Каждый раз, когда я скучала или грустила, ее смех и болтовня поднимали мне настроение. И, пожалуй, она нравилась мне больше, чем тетя – детей ведь так легко увлечь весельем или интересными историями. И хотя тетя была очень добра ко мне, в некоторых вещах она вела себя

жестко, а кроме того, всегда оставалась молчаливой.

Итак, тетя отвела меня в свою спальню, чтобы я немного отдохнула, пока она накрывает стол для чаепития в соседней комнате. Прежде чем уйти, она похлопала меня по плечу, заметив, что я высокая для своих лет и выгляжу достаточно взрослой, и спросила, могу ли я шить и выполнять простую работу по дому. Потом посмотрела на мое лицо и отметила сходство с моим давно умершим отцом, ее братом, после чего выразила надежду, что я окажусь более достойной христианкой, чем он.

Мне подумалось тогда, что тетушка только-только привела меня в дом, а уже подозревает меня бог в чем.

Некоторое время спустя я вошла в соседнюю комнату, предназначенную для экономки – очень уютную, обитую ду-бовыми панелями. Там ярко пылал камин, который топили углем, торфом и дровами, сваленными в одну кучу. На столе уже ждали чай, горячий пирог и дымящееся мясо. Меня встретила веселая толстушка миссис Уиверн, способная за час сказать больше слов, чем моя тетя за год.

Пока я пила чай, тетя поднялась наверх, чтобы провести мадам Кроул.

– Пошла проверить, не заснула ли там старая Джудит Ску-эйлс, – сообщила мне миссис Уиверн. – Джудит сидит с мадам Кроул, когда я и миссис Шаттерс, – так звали мою тетью, – отлучаемся. Наша хозяйка – очень беспокойная старуха. С ней всегда надо быть начеку, иначе она или в камин

сунется, или из окна вывалится. Хотя и старая, а на месте ей не сидится.

– Сколько ей лет, мэм? – спросила я.

– Восемь месяцев назад ей исполнилось девяносто три, – ответила Мэг и засмеялась. – Но запомни: не задавай вопросов о ней в присутствии своей тети, поняла? Просто принимай хозяйку такой, какой увидишь, и все.

– А скажите, пожалуйста, мэм, какими будут мои обязанности? – продолжила я расспросы.

– Со старой леди? Ну, тебе об этом расскажет твоя тетя, миссис Шаттерс. Но я полагаю, тебе придется сидеть с хозяйкой в комнате и следить, чтобы она не чудила. Пусть забавляется с предметами у нее на столе. А еще надо будет приносить еду или питье, когда она попросит, удерживать от глупостей и громко звонить в колокольчик, если не сможешь сама с ней справиться.

– Она глухая, мэм?

– Нет, она не глухая и не слепая. У нее поразительно острые зрение и слух, но она совсем потеряла разум и ничего толком не помнит. Для нее Джек – Покоритель великанов или Гуди – Два башмака так же реальны, как королевский двор или государственные дела.

– А почему уволилась та девочка, мэм, которая уехала в прошлую пятницу? Тетя написала моей матери, что ее расчитали.

– Да, она уехала.

– Почему? – повторила я свой вопрос.

– Полагаю, она не сказала этого миссис Шаттерс. А я тоже не знаю. Не болтай лишнего, твоя тетя терпеть не может говорливых детей.

– Пожалуйста, мэм, еще один вопрос: пожилая леди здорова?

– Ну, в этом вопросе нет ничего плохого. В последнее время она немного приболела, но на прошлой неделе ей стало лучше, и я осмелюсь предположить, что она вполне дотянет до ста лет. Но ш-ш-ш! Твоя тетя идет...

И вправду, появилась тетушка. Пока она разговаривала с миссис Уиверн, я, почувствовав себя более уверенно и по-домашнему, прошла вдоль стен, разглядывая то одну вещь, то другую. На шкафу стояли красивые старинные фарфоровые фигурки, рядом висели картины... А в деревянной панели стены обнаружилась открытая дверца, и я увидела странный потрепанный кожаный пиджак с ремешками и пряжками. Его рукава длиной со столбик кровати свисали внутрь.

– Что ты там делаешь, дитя мое? – вдруг резко спросила тетя, поворачиваясь ко мне именно в тот момент, когда я меньше всего ожидала. – Что это у тебя в руке?

– Это, мэм? – переспросила я, поворачиваясь к ней с пиджаком в руках. – Я не знаю, что это, мэм.

На обычно бледных щеках тетушки появился румянец, а глаза гневно сверкнули. Думаю, если бы она стояла ближе, то ударила бы меня. Но она лишь прикрикнула так, что я

вздрыгнула, и вырвала эту вещь у меня из рук.

– Пока ты остаешься в этом доме, не трогай чужие вещи и не лезь в дела, которые тебя не касаются, – отрезала она и повесила пиджак на вбитый в стену за дверцей гвоздь, после чего с грохотом захлопнула встроенный шкафчик и крепко заперла его.

Миссис Уиверн все это время всплескивала руками и тихо смеялась в своем кресле, слегка покачиваясь, – она всегда так делала, когда ей становилось смешно.

В глазах у меня стояли слезы, и миссис Уиверн подмигнула моей тете, вытирая собственные глаза, которые тоже были мокрыми, но от смеха:

– Ну, ребенок не хотел ничего плохого! Иди ко мне, дитя. Это всего лишь пара костылей для хромых уток. Не задавай нам вопросов, и мы не будем тебе лгать. Иди сюда, садись и выпей чашку чая, прежде чем пойдешь спать.

Моя комната, к слову, находилась наверху, рядом с комнатой старой леди, а кровать миссис Уиверн стояла в спальне хозяйки. Я должна была бросаться туда по первому зову, если понадобится.

Той ночью у старушки продолжался один из приступов недовольства, начавшийся еще днем. У нее часто бывали такие приступы. Порой она не позволяла слугам одевать себя, а иной раз наоборот – не давала снять с себя одежду. Говорили, что когда-то леди была очень красива, но в Эпплуэйле не осталось никого, кто помнил бы ее в расцвете сил. Во-

обще она обожала наряжаться. Ее туалетов из плотных шелков и упругого атласа, бархата и кружев хватило бы, чтобы открыть по меньшей мере семь магазинов. Все ее платья выглядели странными и старомодными, но стоили целое состояние.

Я пошла спать, но некоторое время лежала без сна: все для меня было в новинку. Да и чай, похоже, тоже плохо подействовал на мои нервы, ведь я к нему не привыкла, потому что пила его редко, разве что иногда по праздникам. А еще до меня доносился голос Мэг Уиверн, и я, приложив руку к уху, тщетно пыталась разобрать, что она говорит. При этом я совсем не слышала миссис Кроул – не думаю, что та сказала хоть слово.

О ней прекрасно заботились. Люди в Эпплуэйл-холле знали, что, когда хозяйка умрет, их всех уволят, но пока их несложная работа хорошо оплачивалась.

Два раза в неделю старую леди приходил навестить доктор, и можете быть уверены: слуги все делали так, как он велел. Никогда ничего не менялось: что бы ни происходило, они не должны были перечить хозяйке или раздражать ее и обязаны были потакать и угождать ей во всем.

Итак, старушка пролежала в одежде всю ту ночь и следующий день, не сказав ни слова. Я же весь день занималась шитьем в своей комнате, разве что один раз спускалась к обеду.

Мне хотелось увидеть старую леди и даже услышать ее голос. Но для меня она с таким же успехом могла находиться

на Луне.

После обеда тетя отправила меня на часок прогуляться. Я ушла, но была рада поскорее вернуться: деревья выглядели такими большими, окрестности дома – такими темными и унылыми, а день – настолько пасмурным, что я, бродя в одиночестве, расплакалась, скучая по родному дому.

Некоторое время спустя, когда уже зажгли свечи, я сидела в своей комнате, а дверь в комнату мадам Кроул, где находилась моя тетя, оставалась открытой. Тогда я и услышала впервые то, что, полагаю, было речью старой леди.

До меня донесся странный, очень тихий звук, похожий на голос зверя – то ли мычание, то ли блеяние.

Я навестила уши, пытаюсь понять хоть что-нибудь. Но мне не удалось разобрать ни единого слова, произнесенного хозяйкой. Тетя же ответила ей:

– Злой человек никому не может причинить вреда, мэм, если Господь не позволит.

Затем тот же странный голос, доносящийся с кровати, произнес еще что-то, столь же неразборчивое.

И моя тетя снова успокаивала:

– Пусть они корчат рожи, мэм, и говорят что хотят. Если Господь за нас, кто против нас?

Я продолжала прислушиваться, затаив дыхание, но из комнаты не доносилось больше ни звука. Минут через двадцать, сидя за столом и рассматривая картинки из «Басен Эзопа», я почувствовала какое-то движение у двери и, под-

няв глаза, увидела лицо моей тети, заглядывающей в дверь, и ее поднятую руку.

– Тише! – негромко предупредила она меня, после чего подошла ко мне на цыпочках и прошептала: – Слава богу, мадам наконец уснула. Не шуми тут без меня. Я спущусь вниз выпить чаю. Потом мы вернемся вместе с миссис Уиверн, и, пока госпожа будет спать в комнате, ты тоже сможешь сбежать вниз. Джудит подаст тебе ужин в мою комнату.

И с этими словами тетя ушла.

Продолжая листать книжку с картинками, я по-прежнему прислушивалась, но не слышала ни звука, ни вздоха. Потом начала шептать картинкам и разговаривать сама с собой, чтобы унять колотящееся сердце, потому что мне стало страшно в тишине этой большой комнаты.

Затем я встала и начала ходить по комнате, разглядывая предметы вокруг и пытаюсь отвлечься. И в конце концов не могла не заглянуть в спальню мадам Кроул.

Передо мной предстала просторная комната с высоким, до потолка, балдахином из цветастой шелковой ткани, свисавшей до самого пола и полностью скрывавшей кровать. Еще там имелось зеркало – самое большое, какое я когда-либо видела. Вся комната была ярко освещена. Я насчитала двадцать две восковые свечи – все они горели. Таков каприз хозяйки, и никто не осмеливался ей перечить.

Я прислушалась, стоя в дверях и разинув рот от удивления. Не было слышно ни звука. Не увидев даже легкого ше-

веления в занавесках, я воспрянула духом, на цыпочках вошла в комнату и снова огляделась. Затем взглянула на себя в большое зеркало, и тогда мне пришла в голову мысль: «Почему бы не посмотреть на саму старую леди в постели?».

Конечно, я вела себя как дурочка – но вы даже не можете себе представить, как я жаждала увидеть даму Кроул. Меня мучило ощущение, что если я не загляну под балдахин сейчас, мне, возможно, больше и не представится такого шанса.

Так что, мои дорогие, я подошла к кровати с задернутыми занавесками, и мое сердце почти остановилось. Но я набралась смелости и просунула между плотными занавесками палец, а затем и всю руку. Затем подождала немного, но все было тихо, как на кладбище. Тогда я медленно, очень медленно, раздвинула занавески. За ними, конечно же, оказалась сидевшая передо мной в расслабленной позе, словно та леди, что нарисована на гробнице в церкви Лексхо, знаменитая дама Кроул из Эпплуэйла. Собственной персоной, нарядно одетая! Зрелище совершенно невероятное! Атлас и шелк, алый и зеленый, золото и кружево! Это было потрясающе! А на макушке у старухи – большой напудренный парик высотой в половину ее роста. И – ох, бывают ли вообще у людей такие морщины? – ее старая мешковатая шея, вся напудренная добела, и нарумяненные щеки, и брови из мышиной шкурки, которые обычно наклеивала ей миссис Уиверн... Мадам полулежала, величественная и строгая, в шелковых чулках со стрелками, в туфлях на каблуках, высоких,

как кегли. О!

Но ее нос был тонким и кривым, а закотившиеся глаза полуоткрытыми, так, что виднелись белки. Полностью одетая, казалось, старуха сейчас встанет и, хихикая, начнет кривляться перед зеркалом с веером в руке и с цветами в корсаже. А на ее маленьких морщинистых руках, вытянутых по бокам... О, таких длинных и острых ногтей я в жизни не видела! Неужели такая мода была во времена ее молодости?

Думаю, вы бы и сами испугались, если бы увидели нечто подобное. Я не могла ни отпустить занавеску, ни сдвинуться ни на дюйм и не сводила с удивительной дамы глаз – сердце мое замерло.

И тут она вдруг подняла веки, села, спустила ноги с кровати, стукнув высокими каблуками по полу, и повернулась ко мне, со злобной улыбкой глядя мне в лицо большими, словно стеклянными глазами. Ее старые морщинистые губы приоткрылись, обнажив длинные зубы.

Как ни страшны покойники, все-таки они вещь естественная. Но это... Это было самое ужасное, что я когда-либо видела. Сгорбленная старуха вытянула пальцы, указывая на меня.

– Ах ты, маленькая дрянь! – прошамкала она. – Зачем ты сказала, что я убила мальчика? Я буду щекотать тебя, пока ты не окоченеешь!

Если бы во мне оставалась в тот момент хоть капля разума, я развернулась бы и убежала. Но я не могла оторвать от

странной дамы взгляда и только пятилась назад. А она следовала за мной, гремя, как кукла на веревочках, и непрерывно издавая языком звук, похожий на «Зизз... зизз... зизз...». Ее пальцы нацелились на мое горло, находясь уже всего в нескольких дюймах от меня.

Я отступала так быстро, как только могла, чувствуя, что сойду с ума, если она прикоснется ко мне. И двигалась, пока не уперлась спиной в угол комнаты.

И тогда я издала такой вопль, от которого душа расстанется с телом. В ту же минуту из-за двери громко закричала тетя, и старая леди обернулась к ней. Я отскочила в сторону и помчалась через свою комнату, а потом вниз по черной лестнице со всей скоростью, на которую были способны мои ноги.

Могу вам сказать, я рыдала от души, когда спустилась в комнату экономки. Миссис Уиверн же сперва очень смеялась, когда я рассказала о произошедшем. Но женщина сменила тон, когда услышала слова старой леди.

– Повтори их еще раз, – велела она.

Я повторила:

– «Ах ты, маленькая дрянь! Зачем ты сказала, что я убила мальчика? Я буду щекотать тебя, пока ты не окоченеешь».

– А ты сказала ей, что она убила мальчика? – уточнила экономка.

– Нет, мэм, – ответила я.

После этого случая Джудит всегда приглядывала за мной,

когда пожилая леди была рядом. Я скорее выскочила бы в окно, чем осталась наедине с хозяйкой.

Насколько помню, спустя примерно неделю миссис Уиверн, когда мы с ней оказались наедине, рассказала мне о мадам Кроул кое-что необычное.

Семьдесят лет назад молодая и очень красивая леди вышла замуж за сквайра Кроула из Эпплуэйла – вдовца, у которого был сын девяти лет.

И однажды утром мальчик исчез, буквально как сквозь землю провалился. Никто не знал, куда он пропал. За ним никто особо не следил: иногда с утра он уходил в домик сторожа и завтракал с ним, а потом шел в лес и не возвращался домой до вечера. В другой раз – спускался к озеру, купался там и проводил день за рыбной ловлей или катался на лодке. Так что никто не мог сказать, что с ним случилось – только его шляпу нашли у озера, под ивой, которая и по сей день растет там. Поэтому все думали, что он утонул, купаясь.

Отпрыск сквайра от второго брака – сын этой мадам Кроул – получил поместья в наследство. В то время, когда я приехала в Эпплуэйл, поместьями владел уже его сын, внук старой леди, сквайр Шевеникс Кроул.

До появления моей тети дом полнился множеством слухов о происшествии. Поговаривали, что мачеха знает о пропавшем мальчике куда больше, чем рассказала. Но она имела власть над своим мужем, старым сквайром, пуская в ход ласку и лесть. И поскольку мальчика больше никто не видел,

со временем память об этом событии канула в Лету.

Теперь же я поведаю вам о том, что видела собственными глазами.

Я пробыла там шесть месяцев, и зимой старая леди заболела в последний раз.

Доктор боялся, что с ней может случиться приступ безумия, подобный тому, что произошел пятнадцать лет назад, когда ее пришлось пеленать в смирительную рубашку – тот самый кожаный пиджак, который я обнаружила в стенном шкафу в комнате моей тети.

Но припадка у госпожи не случилось. Она тосковала и вздрагивала, и умирала, сильно мучаясь, однако достаточно тихо. И только за день или два до своего ухода старая леди начала буйствовать и метаться в постели – словно к ее горлу приставил нож грабитель. Она пыталась выбраться из кровати, но не имела сил, чтобы ходить или стоять, поэтому просто падала на пол, закрыв лицо старыми иссохшими руками, будто моля о пощаде.

Вы можете догадаться, что я не заходила в ее комнату в такие моменты. Обычно я дрожала в своей постели от страха, прислушиваясь к тому, как старуха ползает по полу и выкрикивает слова, от которых уши сворачиваются в трубочки.

И моя тетя, и миссис Уиверн, и Джудит Сквейлс, и женщина из Лексхо – кто-то из них всегда находился рядом с хозяйкой. В конце концов у нее начались припадки, которые ее страшно измотали.

Пастор тоже явился и молился за нее, но сама она уже не молилась. Я полагаю, толку от этого было мало, но остальные так не думали. И вот в конце концов она умерла, и все закончилось. Старую даму Кроул закутали в саван и положили в гроб. О ее смерти оповестили письмом сквайра Шевеникса. Но он находился в отъезде, во Франции, и не смог бы быстро приехать, поэтому священник и доктор согласились, что не стоит надолго оставлять покойную непогребенной. На похороны, кроме них двоих, нас с тетей и остальных служанок, никто больше не пришел.

Итак, старую леди из Эпплуэйл-холла поместили в склеп под церковью Лексхо, а мы после этого остались в большом доме, дожидаясь приезда сквайра. Он должен был рассчитать слуг, выплатив положенное им жалование.

После ее смерти меня переселили в другую комнату, через две двери от спальни госпожи Кроул. Это случилось в ночь перед тем, как сквайр Шевеникс приехал в Эпплуэйл.

Комната, в которой я теперь жила, представляла собой внушительных размеров помещение, обшитое деревянными панелями. Мебели в ней не было, за исключением кровати без занавесок, стула и стола, которые выглядели совсем крошечными в такой большой спальне. А еще там стояло огромное зеркало, в которое старая леди обычно заглядывала, любясь собой с головы до пят – его принесли из хозяйкиной спальни, освобождая место.

В тот день пришло известие, что сквайр должен прибыть

на следующее утро в Эпплуэйл. Я не сожалела о произошедшем, потому что не сомневалась: меня обязательно отправят домой к матери. Мысли о доме, о моей сестре Джанет, о нашем котенке, о дворняжке Триммере и обо всем остальном наполняли меня такой радостью, что от волнения я не могла заснуть. И часы пробили двенадцать, а я все лежала, вперив взгляд широко открытых глаз в стену, противоположную двери. В комнате царила полная темнота.

Не прошло и четверти часа, когда я увидела на стене перед собой свет, словно что-то позади меня загорелось. В этом световом пятне заплясали тени от кровати, и от стула, и от моего платья, которое висело на стене. Я быстро повернула голову к двери, думая, не начался ли пожар.

И клянусь, я увидела эту женщину! Она как две капли воды походила на нашу старую сумасшедшую хозяйку – мертвую, но раздетую в атлас и бархат, жеманную, с глазами, огромными, как блюда, и лицом как у самого дьявола. Вокруг старухи сиял ореол красного света, точно ее платье было охвачено огнем. И она шла прямо на меня, скрючив старые сморщенные руки, как будто собиралась вцепиться в меня когтями. Я не могла пошевелиться, но она прошла мимо меня, обдав холодным воздухом, и остановилась у стены, в нише, которую моя тетя называла альковым – раньше там стояла парадная кровать. В нише была открыта дверь, и руки старой леди начали что-то ощупывать возле нее. Мне и в голову не приходило, что там есть дверь.

Старуха повернулась ко мне, ухмыляясь, и внезапно в комнате стало темно, а я вжалась в дальний угол по ту сторону кровати – даже не знаю, как я там очутилась. Но теперь, наконец, я обрела дар речи и, заорав во все горло, помчалась вниз по лестнице, напугав миссис Уиверн до полусмерти, когда чуть не сорвала дверь с петель в ее спальне.

Вы, наверное, догадываетесь, что больше я в ту ночь не спала и что с первыми лучами солнца поспешила к тетушке так быстро, как только могли нести меня ноги.

Вопреки моим ожиданиям, тетя не ругалась и не прерывала меня. Она сказала не бояться, взяла меня за руку и пристально смотрела мне в лицо, пока я рассказывала.

– У призрака был ключ в руке? – спросила она.

– Да, – ответила я, вспоминая, что и правда видела его, – большой ключ со странной медной ручкой.

– Подожди немного, – произнесла тетя, отпуская мою руку и открывая дверцу шкафа. – Вот такой ключ? – мрачно осведомилась она, вынимая один из ключей и показывая мне.

– Именно такой, – быстро подтвердила я.

– Ты уверена? – настойчиво допытывалась она, поворачивая ключ так и этак.

– Уверена, – кивнула я, чувствуя, что вот-вот упаду в обморок.

– Ну и хорошо, дитя, – проговорила тетя после некоторого раздумья и снова заперла шкаф. – Сквайр будет здесь сегодня, до двенадцати часов, и ты должна все ему рассказать. Я

скоро уеду отсюда, и поэтому лучше всего сейчас поскорей отправить тебя домой – сегодня же днем. А когда смогу, я поищу для тебя другое место.

Можете не сомневаться – я была в восторге от этих слов.

Тетя собрала мои вещи и выдала три фунта, причитавшиеся мне за работу. В тот день в Эпплуэйл приехал сам сквайр Кроул, красивый мужчина лет тридцати. Я видела его уже второй раз, но заговорил он со мной впервые.

Тетя беседовала с ним в комнате экономки. Не знаю, о чем они толковали. Я немного боялась сквайра – ведь он был такой важный, солидный джентльмен, и я даже близко не подходила к нему, пока меня не позвали. Наконец он обратился ко мне, улыбаясь:

– Что за историю ты рассказываешь, дитя? Это наверняка просто сон, потому что – ты же знаешь! – на свете нет никаких привидений. Но что бы это ни было, малышка, сядь и поведай мне все от начала до конца.

Как только я закончила, он немного подумал и сказал тете:

– Я хорошо помню это место. Еще во времена старого сэра Оливера я узнал от хромого Уиндела, что в том углублении, слева, находится дверь – как раз там, где моя бабушка, приснившаяся девочке, открыла ее. Уинделу было за восемьдесят, когда он рассказал мне это, а я был всего лишь мальчишкой. С тех пор прошло двадцать лет. Давным-давно, еще до того, как в комнате с гобеленами сделали железный шкаф, в той нише хранилось столовое серебро и драгоцен-

ности. По его словам, у ключа была медная ручка. А вы говорите, этот ключ нашли на дне ящика, где бабушка держала свои старые веера. Теперь не удивлюсь, если мы найдем какие-нибудь ложки или бриллианты, забытые там. Ты можешь пойти туда с нами, малышка, и указать на то самое место?

Мне очень не хотелось туда идти. Мое сердце ушло в пятки, и я крепко держалась за руку тети, когда вошла в ту ужасную комнату. Я показала, откуда старая леди появилась и куда прошла мимо меня, и указала место, где она стояла и где, вероятно, открылась дверь.

Сейчас у стены в этом месте стоял шкаф. Когда его отодвинули в сторону, я, конечно же, увидела очертания двери в обшивке и замочную скважину, забитую кусочком дерева, обструганного так гладко, что оно сливалось с самой дверью. И дверь, и стена рядом с ней, и место их соединения – все было замазано темной шпаклевкой. Если бы не петли, которые немного выделялись, никто бы вообще не подумал, что там дверь.

– Ха! – воскликнул сквайр. – Похоже, это оно и есть.

Потребовалось несколько минут, чтобы с помощью небольшого долота и молотка вытащить кусок дерева из замочной скважины. Ключ действительно подошел; с жутковатым скрежетом он провернулся в скважине и отпер эту дверь.

Внутри находилась еще одна дверца, более странная, чем первая, но ее было хорошо видно, и она легко открылась. За

ней обнаружилось узкое помещение с кирпичными стенами и сводом. Но мы не могли ничего разглядеть, потому что там оказалось темно как ночью.

Тетя зажгла свечу и передала ее сквайру. Он взял ее и вошел в каморку.

Тетя встала на цыпочки, пытаясь заглянуть ему через плечо, а мне совсем ничего не было видно.

– Ха-ха! – вдруг вскричал сквайр, отступая назад. – Что это? Дайте мне кочергу – быстро! – велел он моей тете.

И когда она отошла к очагу за кочергой, я выглянула из-за его руки и увидела в дальнем углу кого-то вроде обезьянки, сидящей на корточках, или маленького, сморщенного, словно бы высохшего человечка.

– Клянусь богом! – ахнула моя тетя, вложив кочергу в руку сквайра и заглянув в комнатку. – Не стоит этого делать, сэр. Отойдите и закройте за собой дверь!

Но вместо этого сквайр осторожно вошел с кочергой и ткнул ею в существо. Оно тут же опало кучей костей и пыли.

Это были кости ребенка, рассыпавшиеся в прах от одного прикосновения. Некоторое время все молчали, а потом сквайр перевернул череп, лежащий на полу.

Какой бы юной я ни была, все-таки поняла, о чем они с моей тетей думают.

– Дохлая кошка! – буркнул сквайр, отшатываясь назад, сдувая с себя пыль и закрывая дверь. – Мы с вами, миссис Шаттерс, потом сюда вернемся. Откроем ставни и заглянем

на полки. И нужно будет обсудить с вами другие дела. А этой маленькой девочке пора ехать домой. Ей уже выдали жалование, но я хочу сделать ей подарок, — добавил он, похлопывая меня по плечу.

И он дал мне целый фунт сверх выплаченного жалования. Примерно через час после этого я села в дилижанс, отправлявшийся в Лексхо. Мне страшно хотелось домой.

Больше я, слава богу, никогда не видела леди Кроул из Эпплуэйл-холла ни наяву, ни во сне, ни в виде призрака. Но когда я уже стала взрослой, к нам в Литтлхем как-то наведася моя тетя. Тогда она и призналась мне, что в каморке, несомненно, находился бедный маленький мальчик, которого заперли, оставив умирать в темноте. Сумасшедшая ведьма замуровала ребенка в этом чулане, где его мольбы и стук никто не мог услышать. Шляпу его она оставила у воды, чтобы все решили, будто бедняга утонул.

Одежда при первом же прикосновении рассыпалась в пыль в каморке, где были найдены кости. Но зато обнаружались пригоршня гагатовых пуговиц и ножик с зеленой ручкой, а еще пара монеток, которые, полагаю, находились у бедного мальчика в кармане, когда его заманили в смертельную ловушку. Среди бумаг сквайра попалась копия объявления, которое опубликовали после пропажи ребенка. Старый сквайр подумал, что сын мог сбежать или был похищен цыганами. В объявлении говорилось, что у мальчика с собой имелся ножик с зеленой ручкой и упоминались гагато-

вые пуговицы.

Это все, что я могу рассказать о леди Кроул из Эпплу-
эйл-холла.

Завещание сквайра Тоби

Странники, привыкшие путешествовать по старой дороге через Йорк и Лондон во времена почтовых дилижансов, наверняка помнят, как проезжали мимо гостиницы «Старый ангел», примерно в трех милях к югу от города Эпплбери. Помнят, как в полутора милях от нее из-за поворота появляется старинный особняк – ветхий и потрепанный непогодой. Широкие решетчатые окна мерцают в лучах вечернего солнца стеклами с алмазной гравировкой, рельефно выделяясь на фоне густых древних вязов.

Ко входу в особняк вела широкая аллея, ныне заросшая, словно сельское кладбище, травой и сорняками и обрамленная двойными рядами таких же темных деревьев, старых и огромных. Местами в их торжественных рядах зияют бреши от упавших собратьев, а саму аллею перегораживают лежащие поперек поваленные стволы.

Глядя на эту мрачную и безжизненную дорогу с крыши лондонского дилижанса, как это часто делал я, вы бы поразились множеству признаков разорения и запустения. Пучки травы, пробивающейся в щелях ступеней и оконных проемов, бездымные трубы, над которыми кружат галки. Полное отсутствие человеческой жизни в любых ее проявлениях. Вы сразу заключили бы, что это место необитаемо, заброшено и постепенно приходит в упадок. Назывался этот старинный

дом Гилингден-холл.

Высокие живые изгороди и могучие деревья быстро скрывают его из виду. А примерно через четверть мили экипаж проезжает мимо маленькой полуобвалившейся саксонской часовни. С незапамятных времен она служила местом захоронения семьи Марстон. Теперь часовне предстояло стать такими же руинами, в какие превращалось древнее здание по соседству.

Унылый вид Гилингден-холла прекрасно вписывается в меланхоличный пейзаж уединенной Гилингденской долины, похожей на заколдованный лес. Лес, полный непуганых ворон и бродячих оленей, выглядывающих из-за ветвей.

Коттедж уже десятки лет не видел ремонта. Крыша его кое-где провалилась, а швы между листами кровельного железа разошлись. На стороне дома, пострадавшей от ураганов, что проносятся по долине, как бурный поток воды по каналу, не осталось ни одного целого стекла. Ставни лишь частично защищали комнаты от дождя. Потолки и стены внутри покрылись плесенью и зелеными пятнами сырости. То тут, то там с потолка капает вода, гниют полы. В ненастные ночи, как рассказывал один сторож, звук хлопающих дверей и завывания рыдающего ветра в пустых галереях дома доносятся аж до старого Гристонского моста.

Семьдесят лет назад здесь умер старый сквайр Тоби Марстон, известный в этих краях своими великолепными породистыми псами, гостеприимством и бесчисленными порока-

ми. Он делал порой добрые дела – и тут же дрался на дуэлях, щедро раздавал деньги – и жестоко избивал людей кнутом. Он заслужил несколько благословений и немало проклятий. А главное – оставил после себя такое количество долгов и закладных с поместья, что два его сына пришли в ужас: на чисто лишенные деловой хватки, они никогда не подозревали, что этот злобный и постоянно сквернословящий старый джентльмен едва не довел поместье до банкротства.

Его сыновья встретились в Гилингден-холле. Там их ждало завещание, адвокаты для его оглашения и бесчисленные долги, которые покойный взвалил на своих отпрысков. Завещание оказалось составлено таким образом, чтобы немедленно посеять между двумя братьями смертельную ненависть.

Братья во многом отличались друг от друга, но одна, весьма существенная черта характера досталась им от отца: они никогда не ссорились наполовину и, однажды начав вражду, остановиться уже не могли.

Старший, Скруп Марстон, никогда не был любимцем старого сквайра. Не отличавшийся стройностью и уж тем более красотой, он не имел ни малейшей тяги к деревенской жизни. Все это возмущало старого сквайра и вызывало в нем презрение. Молодой человек тоже не испытывал к отцу никакого уважения и, став взрослым, утратил детский страх перед его суровостью и часто ему перечил. В результате неприязнь взбалмошного старика к сыну переросла в настоящую

злобу. Он желал, чтобы этот чертов сопляк, этот горбатый негодяй Скруп убрался с дороги достойных людей. Под «достойными людьми» он подразумевал своего младшего сына Чарльза. При этом сквайр так ругал старшего, что даже друзья-собутыльники, приезжавшие поохотиться и выпить портвейна, содрогались от этих проклятий.

Сутулость и правда была присуща Скрупу Марстону. Худое желтоватое лицо, пронзительные карие глаза и черные длинные волосы подчеркивали его уродство.

– Я не отец этому существу со спиной хряка! Я не отец ему, черт бы его побрал! Скорее уж я назову своим сыном эту кочергу! – кричал обычно старик, намекая на длинные тонкие конечности старшего отпрыска. – Вот Чарли – человек, а это – мартышка. В нем нет ни благородства, ни ловкости, ни мужественности – ни одной черты Марстонов!

Будучи изрядно пьяным, старый сквайр нередко клялся, что Скруп никогда не будет «сидеть во главе этого стола и пугать людей из Гилингден-холла своей чертовой топорной физиономией!».

Красавчик Чарли, напротив, мог о себе позаботиться. Он прекрасно ладил с лошадьми и любил выпить, а все девушки буквально сохли по нему. Он был Марстоном до последнего дюйма своего шестифутового роста.

Впрочем, и младший сын с отцом однажды повздорили. Старый сквайр так же свободно обращался с хлыстом, как и со своим языком. А в тех случаях, когда применить оба ору-

жия было практически невозможно, он, дабы приструнить «зарвавшегося парня», с легкостью раздавал тычки и подзатыльники. Красавчик Чарли, однако, считал, что настало время с физическими наказаниями покончить. Однажды на званом ужине, когда портвейн лился рекой, от Красавчика прозвучал намек на брак с Марион Хейворд, дочерью мельника, которого старый джентльмен недолюбливал. Будучи в изрядном подпитии и имея более ясные представления о кулачном бое, чем о самообладании, он, к удивлению всех присутствующих, влепил пощечину Красавчику Чарли. Юноша с гордым видом запрокинул голову и ничем не ответил отцу – разве что брошенным на пол графином. Но кровь старика вскипела, и он вскочил со стула. Чарли тоже вскочил, решив, что больше не станет терпеть бесчинство. Пьяный сквайр Лилборн, сделавший попытку разнять их, полетел плашмя на пол, порезав ухо осколками стаканов. Раскрытой ладонью Красавчик Чарли отбил удар своего отца и, схватив его за галстук, прижал к стене. Рассказывали, что лицо старика никогда не было таким багровым, а глаза – такими выпученными. Чарли же крепко держал его обеими руками.

– Ну, говорю же... не делай больше подобных глупостей, парень, и я не стану тебя бить, – прохрипел отец. – Ты сам знаешь, что поступил глупо. Не так ли? Давай, Чарли, дружище, отпусти меня, говорю тебе, и сядь обратно.

На этом драка закончилась, и, думаю, это был последний раз, когда сквайр поднял руку на Красавчика Чарли.

Но те дни прошли. Старый Тоби Марстон лежал теперь, холодный и тихий, под ветвями могучего ясеня в саксонских руинах. Он занял свое место среди остальных представителей старинного рода Марстонов, обратившихся в прах и преданных забвению. Потертые высокие сапоги и кожаные бриджи, треуголка, какие все еще носили пожилые джентльмены того времени, примелькавшийся красный жилет почти до колен и свирепое, как у мопса, лицо старого сквайра стали лишь картинкой из воспоминаний. А братья, между которыми он посеял непримиримую вражду, в траурных костюмах с иголки яростно спорили по разные стороны стола в большой дубовой гостиной. В той самой гостиной, так часто оглашавшейся шутками и грубыми песнями, руганью и смехом приятелей-соседей, которых старый Тоби из Гилингден-холла любил созывать.

Эти молодые джентльмены, выросшие в Гилингден-холле, не привыкли стесняться в выражениях и, если надо, без колебаний пускали в ход кулаки. На похороны старика ни один из них не успел: смерть его наступила внезапно. Тоби Марстона уложили в постель в том веселом и сварливом состоянии, которое наступало у него после портвейна и пунша, а утром нашли мертвым: голова свисала с кровати, а лицо почернело и опухло.

Теперь воля сквайра отобрала у нелюбимого им горбуна Гилингден, передававшийся по наследству от отца к старшему из сыновей с незапамятных времен. Скуп Марстон

был в ярости. Его низкий резкий голос, оскорблявший покойного отца и живого брата, гремел на весь дом. Бурные обвинения подкреплялись тяжелыми ударами кулака по столу, разносившимися по большому залу. В ответ раздавался еще более грубый голос Чарльза, сменившийся затем быстрой чередой коротких фраз с обеих сторон. Голоса братьев зазвучали вместе, становясь все громче и злее. Увещевания испуганных адвокатов тонули в этом шуме, но потом крики внезапно стихли. Скруп выбежал из комнаты – бледное разъяренное лицо казалось еще белее на фоне длинных черных волос, темные глаза яростно сверкали, кулаки были сжаты. Гнев придавал его судорожным движениям еще большую неуклюжесть.

Ссора между молодыми людьми, несомненно, оказалась очень серьезной. Чарли, хотя и остался победителем, был не менее зол, чем Скруп. Старший брат вознамерился завладеть домом, затеяв против своего соперника судебный процесс. Но его адвокаты явно возражали против этого. Тем не менее Скруп, полный ненависти, отправился в Лондон и нашел юридическую контору, управлявшую делами отца. Встретили его там, надо сказать, весьма приветливо и радушно. Клерки подняли документы на имущество Тоби Марстона и обнаружили, что Гилингден среди его собственности не значился. Это казалось очень странным, но все так и было – дом являлся особым исключением. Так что право старого сквайра распорядиться им по своей воле не могло быть по-

ставлено под сомнение.

Однако жажда мести довела Скрупа до готовности погубить самого себя, если это поможет досадить брату. Он повел против Красавчика Чарли настоящую войну, принявшись оспаривать завещание старого сквайра в гражданском суде, а затем в королевском. С каждым месяцем вражда между братьями крепла и росла.

Скруп проиграл дело во всех судах, и поражение не смягчило его. Чарльз еще мог бы простить ему грубые слова. Но он потерял кучу денег во время долгих процессов, апелляций, специальных ходатайств и прочих эпизодов юридической эпопеи, в которой братья Марстон буквально погрязли. Ущерб от судебных издержек сильно ожесточил сердце младшего брата, как это обычно происходит с людьми, ограниченными в средствах.

Годы летели, так и не принося братьям мира. Напротив, пропасть взаимной ненависти со временем становилась еще глубже. Ни один из братьев так и не женился. Однако с младшим, Чарльзом Марстоном, произошел еще и несчастный случай, который лишил его и без того скудных радостей жизни.

Неудачное падение Чарльза с коня по кличке Охотник закончилось для молодого человека серьезными переломами и сотрясением мозга. Многие даже думали, что он никогда не поправится, однако Чарли не оправдал этих злых ожиданий. Он выздоровел, но кое-что ушло из его жизни безвозвратно.

Травма бедра лишила его возможности сидеть в седле. И бесшабашный дикий дух, который до сих пор никогда не подводил Красавчика, улетучился навсегда.

Пять дней Чарльз находился в состоянии комы – абсолютной бесчувственности, – а когда пришел в сознание, его стала преследовать необъяснимая тревога.

В лучшие дни Гилингден-холла при старом сквайре Тоби дворецким служил Том Купер. После смерти прежнего хозяина Том так и остался на этой должности. В дни увядания бывшего великолепия и перехода на экономное ведение хозяйства он продолжал хранить старомодную верность семье. Прошло двадцать лет со дня смерти старика. Дворецкий и сам стал худым и сутулым. Лицо, потемневшее и приобретшее от старости странный коричневый цвет, покрылось морщинами. Характер стал угрюмым – хотя и не таким мрачным, как у покойного сквайра.

Чарльз, став увечным, продал Охотника и вернулся домой. С потерей коня исчезла последняя традиция старой жизни в Гилингдене. Молодой сквайр, как его все еще продолжали называть, утратив способность охотиться верхом, стал вести уединенный образ жизни. В неопишемом унынии он медленно и одиноко бродил, хромя и опираясь на палку, по знакомым местам, редко поднимая взгляд от земли.

Старый Купер мог позволить при случае без боязни разговаривать со своим хозяином. Однажды, передавая ему шляпу и трость в холле, он заметил:

– Вам следует немного прийти в себя, мастер Чарльз!

– Я давно уже никому не интересен, старина Купер, – отозвался Марстон.

– Я вот о чем думаю: вас что-то гнетет, и вы никому не говорите об этом. Нет смысла держать это в себе. Вам станет намного легче, если вы выговоритесь. Ну же, в чем дело, мастер Чарли?

Серые глаза сквайра округлились, встретив прямой взгляд Тома. Хозяин почувствовал, что слуга словно снял с него чары. Чарльз до сего момента был похож на призрака, который из-за наложенного заклятия не может сказать ни слова, пока с ним не заговорят. Чарльз несколько секунд серьезно смотрел в лицо старому дворецкому, затем глубоко вздохнул.

– Это не первая хорошая догадка, которую ты сделал вовремя, старина Купер, и я рад, что ты высказался. Действительно, кое-что не выходит у меня из головы с тех пор, как я упал. Заходи-ка сюда и закрой дверь.

Сквайр толкнул дверь дубовой гостиной и рассеянно оглядел картины. Чарли уже давно не заходил сюда. Усевшись на стол, он снова некоторое время смотрел в лицо Тому, прежде чем заговорить.

– Дело не такое уж важное, Купер, но меня оно беспокоит. Я не стал бы рассказывать об этом ни пастору, ни доктору. Бог знает, как бы они к этому отнеслись... Но ты всегда был верен нашей семье, и я не против открыть тебе все.

– С Купером, мастер Чарльз, ваши тайны будут в такой же

безопасности, как если бы их заперли в сундуке и утопили в колодце.

– Дело в том, – начал Чарльз Марстон, глядя вниз, на конец своей трости, которой рисовал на полу линии и круги, – что все время, пока я лежал как мертвый, каковым меня и считали после падения, я был со старым мастером. – Говоря это, он снова поднял взгляд на дворецкого и, грязно выругавшись, повторил: – Я был с ним, Купер!

– Он был хорошим человеком, сэр, по-своему, – заметил старый Том с благоговением. – Хорошим хозяином для меня и хорошим отцом для вас. Надеюсь, что он счастлив, да упокоит его господь!

– Что ж, – отозвался сквайр Чарльз, – все это время я находился с ним – или он находился со мной... Не знаю, как это назвать... В общем, мы были вместе, и я думал, что никогда уже не вырвусь из его рук. Он запугивал меня из-за какой-то вещи, и она очень важна для спасения моей жизни, Том. Но, очнувшись, я так и не смог вспомнить, что это за вещь. Думаю, я бы отдал руку, чтобы узнать, о чем шла речь. Может, ты сумеешь сообразить, что это могло быть? Ради бога, не бойся, Том Купер, но говори прямо, потому что отец сильно угрожал мне, и это, несомненно, был именно он.

В зале повисло молчание.

– А сами-то вы как думаете, что это может быть, мастер Чарльз? – спросил наконец Купер.

– Мне так ничего и не пришло в голову. Я никогда не по-

падал в такие истории – *никогда*. Мне подумалось, может, отец что-то знает об этом чертовом горбатом негодяе Скруппе? Ведь братец божился адвокату Джингему, будто я украл бумагу, по которой дом отходит ему... Будто мы с отцом это сделали. Но, ручаюсь моим спасением, Том, никогда мир не слышал большей лжи! Я судился бы с ним за одни лишь эти слова и потребовал бы от него больше, чем стоит дом! Только адвокат Джингем отказывается выполнять мои требования с тех пор, как Гилингден перестал приносить доход. Адвоката сменить я тоже не могу, потому что должен ему прорву денег! Но брат оклеветал меня и поклялся, что повесит меня за сокрытие документа. Именно так и сказал: он не успокоится, пока не *повесит* меня за это! Думаю, в его обещании имелся какой-то смысл, *что-то в нем было*, из-за чего беспокоился старый мастер. Этого достаточно, чтобы свести человека с ума. *Я не могу* вспомнить ни слова из того, что говорил отец, помню только, что он угрожал и – господи помилуй нас! – выглядел ужасно плохо.

– О, сэр, неужели дух его не упокоился?... Да помилует его господь! – отозвался старый дворецкий.

– Возможно... Но ни одна живая душа не должна об этом узнать, Купер, ни одна живая душа, понял?

– Боже упаси! – покачал головой старый Том. – Но возможно, сэр, это из-за долгого пренебрежения к его памяти и могиле?

– Да? Об этом я как-то не подумал. Надень шляпу, старина

Купер, и пойдем со мной. Уж это-то, по крайней мере, мы можем исправить.

От дома путь лежал через вращающуюся калитку в парк. Затем тропинка спускалась к старому живописному месту захоронения, находившемуся у дороги в укромном, окруженном вековыми деревьями уголке. Багровел прекрасный осенний закат. Бледные огни и длинные тени придавали окружающему пейзажу мистический вид. Красавчик Чарли и старый дворецкий медленно пробирались к часовне, где младший сын старого сквайра тоже когда-нибудь должен обрести последнее пристанище.

– Что за собака выла всю прошлую ночь? – спросил вдруг сквайр, когда они немного отошли от дома.

– Это была какая-то странная собака, мастер Чарли. Она стояла перед домом. Наши-то все находились во дворе. А этот белый пес с черной головой обнюхивал все вокруг, а потом стал подниматься по ступенькам – тяжело, прямо как наш старый хозяин, храни его бог, когда у него болело колено. Пес взобрался на ступеньки и завыл в окна. Мне даже захотелось швырнуть в него чем-нибудь...

– Эй! Вон там не он ли? – резко прервал слугу сквайр, останавливаясь и указывая тростью на грязно-белого пса с большой черной головой. Тот бегал вокруг них широкими кругами, пригибаясь, с тем видом неуверенности и заискивания, который так хорошо умеют напускать на себя собаки.

Чарли свистом подозвал пса. Это был большой отощав-

ший бульдог.

– Бедняге пришлось несладко – он худой, как позорный столб, весь в пятнах, а когти стерты до подушечек, – задумчиво сказал Марстон. – И он не беспородный пес, Купер. Мой бедный отец любил хороших бульдогов и отличал дворняжку от породистой собаки.

Пес смотрел сквайру в лицо с характерным для его породы мрачным выражением на морде. Чарли пришла в голову совершенно непочтительная мысль о том, как сильно походил на бульдога отец свирепым лицом, когда сжимал в руке хлыст и ругался на сторожа.

– Лучше бы его пристрелить. Он будет пугать скот и задирать наших собак, – заметил сквайр. – Эй, Купер! Надо сказать сторожу, чтобы он присмотрел за ним. Еще не хватало, чтобы пес добрался до моей баранины.

Отогнать собаку не удалось. Она с тоской посмотрела вслед сквайру, а после того, как Чарльз с дворецким немного отошли, робко последовала за ними.

Избавиться от животного оказалось невозможно. Бульдог бегал вокруг сквайра и Тома, как адский пес из «Фауста», разве что пламени за собой не оставлял. Кроме того, собака смотрела на Марстона с каким-то умоляющим видом, и это странное предпочтение льстило Чарльзу и казалось трогательным. Поэтому сквайр снова подозвал пса, погладил его и в конце концов решил взять домой.

Теперь пес послушно следовал за двумя людьми по пятам,

как будто всю жизнь принадлежал Красавчику Чарли. Купер отпер маленькую железную дверь, и собака вошла за ними в часовню.

Марстоны рядами лежали под полом этого маленького здания. Склепов им не ставили, но у каждого покойника имелаась отдельная могила, огороженная каменной кладкой. Каждое захоронение венчала мраморная плита с написанной в верхней ее части эпитафией – за исключением могилы бедного старого сквайра Тоби. Над ним не было ничего, кроме травы и ровной линии каменной кладки, которая указывала, на каком уровне следует расположить следующие захоронения.

– Действительно, это место выглядит поистине убого, – протянул Чарльз. – Вообще-то обеспечить должное отцу погребение обязан старший брат. Но если он не захотел устроить достойную могилу, придется позаботиться об этом мне, старина. А еще я прослежу, чтобы на надгробии вырезали большими буквами, что старший сын отказался отдать отцу последний долг, поэтому плита сделана младшим.

Они с Томом обошли маленькое кладбище. Солнце уже спряталось за горизонтом. Медно-красное сияние облаков, все еще подсвеченных уже скрывшимся светилом, зловеще сливалось с сумерками. Заглянув в маленькую часовню снова, Чарли увидел уродливую собаку, растянувшуюся на могиле сквайра Тоби. Она казалась по меньшей мере вдвое длиннее, чем раньше, и выделяла такие фокусы,

что сквайр вытаращил глаза. Вы когда-нибудь видели кошку, катающуюся по полу с пучком валерианы, выгибающуюся, извивающуюся, трущуюся о пол мордой в полном экстазе? Тогда вы можете представить себе то, что увидел в часовне Красавчик Чарли.

Голова животного выглядела огромной, тело – длинным и тонким, а суставы – какими-то неуклюжими и словно бы даже вывихнутыми. Сквайр и старый Купер, вошедший вслед за ним, уставились на бульдога с чувством удивленного отращения. И через пару мгновений псу досталось несколько ударов тростью от Чарльза. Зверь опомнился, отпрыгнул к изголовью могилы и замер там, такой же толстый и кривой, как и раньше. Он посмотрел в упор на сквайра с ужасной ухмылкой, и его глаза сверкнули характерным зеленым цветом собачьей ярости.

Но уже в следующую секунду пес униженно припал к ногам Марстона.

– Ну и дела! – пробормотал старый Купер, внимательно рассматривая собаку.

– А мне он нравится, – усмехнулся сквайр.

– Ну не знаю... – протянул дворецкий.

– Но здесь ему не место, – отрезал Чарли.

– Я не удивлюсь, если он окажется оборотнем, – проворчал старый Купер, который помнил историй о колдовстве больше, чем знают сегодня все люди в этих краях.

– Пес отличный, – задумчиво отозвался сквайр. – Были

времена, когда я отвалил бы за такую собаку целую пригоршню монет. Но теперь я сам уже ни на что не гожусь. Пойдем со мной.

Он наклонился и похлопал собаку по спине. Та вскочила и с готовностью посмотрела ему в лицо, будто ожидая любой команды, пусть даже самой незначительной, которую могла бы выполнить.

Куперу не нравились кости, торчащие сквозь шкуру животного. Дворецкий не мог понять, что такого восхитительного нашел в собаке хозяин.

По ночам Чарльз оставлял пса в оружейной, а днем тот сопровождал сквайра в его беспокойных блужданиях по окрестностям. Чем больше хозяин любил бульдога, тем меньше пес нравился Тому и другим слугам.

– В нем нет и намек на отличного пса, – ворчал Купер. – Я думаю, мастер Чарли ослеп. Вон даже Старый Капитан, – он кивал на красного попугая преклонных лет, который сидел прикованный цепочкой к жердочке в дубовой гостиной и весь день разговаривал сам с собой, грыз когти и кусал жердочку, – даже Старый Капитан – единственное живое существо, кроме меня, еще пары слуг и самого сквайра, которое помнит старого хозяина... Даже он, как только увидел эту собаку, завизжал, словно его ударили, дико встряхнул перьями и упал, бедняга, повиснув на одной ноге, в припадке.

Но капризы человеческие не знают предела. Сквайр был одним из тех строптивцев, которые, чем больше их увеще-

вают, тем тверже упорствуют в своих прихотях.

Самочувствие Чарльза Марстона, однако, продолжало ухудшаться из-за хромоты. Внезапный переход от активного образа жизни к жалкому существованию, полному ограничений от полученных травм, никогда не совершается без риска для здоровья. И теперь его осаждало множество серьезных расстройств, таких как несварение желудка, о существовании которых он раньше и не подозревал. Ко всему прочему по ночам сквайра нередко мучили кошмары. И в этих видениях неизменно присутствовал его новый любимец. Причем, как правило, он являлся центральным, а иногда и единственным персонажем. Пес растягивался на краю кровати у ног Чарли, будто увеличиваясь в размерах и ужасно напоминая старого, похожего на бульдога сквайра Тоби, и начинал выделять свои трюки, вертя головой и вскидывая подбородок. А затем пес заводил долгие беседы о Скрупе – что с ним «не все так гладко» и что Чарльз «должен помириться с братом», что он, старый сквайр, «оказал любимому сыну плохую услугу», что «время близится» и «справедливость должна восторжествовать», и что «нет ему покоя на том свете из-за Скрупа».

Затем это полуживотное-получеловек приближалось к Чарльзу, подползая и прижимаясь к его телу, тяжелое, как свинец, пока морда зверя не оказывалась на лице Чарли. И начинались все те же отвратительные ужимки, потягивания и кривляния, которые пес вытворял на могиле старого сквай-

ра. В конце концов Чарльз просыпался со стонами, задыхаясь, и резко выпрямлялся в постели, обливаясь холодным потом. И всякий раз ему казалось, будто он видит что-то белое, соскальзывающее с изножья кровати.

Позже Чарльз объяснял себе, что это, должно быть, сполз край занавески или одеяла, сброшенного его неловким движением. И каждое утро после таких снов собака была более ласкова и подобоострастна, нежели обычно. Словно нехитрым этим приемом старалась она стереть чувство отвращения, которое оставлял после себя ужас ночи.

Доктор почти убедил сквайра, что в подобных снах нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить несварением желудка, от которого Чарльз действительно часто страдал.

Как бы в подтверждение слов врача, на некоторое время собака вообще перестала ему сниться. Но затем видение повторилось, причем еще более неприятным образом, чем раньше.

В этом новом кошмаре комната была погружена в непроглядную тьму. Чарльз слышал негромкий топот и знал, что это снова явилась его странная собака. Она медленно двигалась от двери к кровати – с той стороны, откуда всегда приходила во сне. Часть пола в спальне не была застелена ковром, поэтому отчетливо была слышна жуткая поступь животного, стучавшего когтями по паркету. Это были легкие, крадущиеся шаги, от каждого из которых комната, однако, будто сотрясалась. А потом сквайр почувствовал что-то тя-

желое в ногах на кровати и увидел пару зеленых глаз, пристально смотревших на него в темноте. Он не мог отвести взгляд. А затем услышал голос старого сквайра Тоби:

– Одиннадцатый час прошел, Чарли, а ты ничего не сделал – хотя мы с тобой причинили Скрупу зло!

Затем голос стал говорить что-то быстро и много, а напоследок добавил:

– Время близко, скоро он нанесет удар.

И существо с протяжным низким рычанием стало подкрадываться к Чарльзу. Он видел на простыне отблеск горящих зеленых глаз, которые медленно приближались к самому его лицу.

С громким криком Чарли проснулся. Свет, который сквайр в последнее время привык оставлять в спальне, почему-то погас. Некоторое время Марстон лежал, боясь встать или даже просто оглядеться: он был уверен, что увидит в темноте зеленые глаза, смотрящие на него из дальнего угла. Едва оправившись от первого шока после кошмара, он только-только начал приходить в себя, когда часы пробили двенадцать. Тут Красавчик вспомнил слова:

– Одиннадцатый час прошел... Время близко – скоро он нанесет удар!

Чарли почти ожидал услышать, что голос отца снова это повторит.

Спускаясь утром в столовую, сквайр выглядел совсем разбитым.

- Знаешь ли ты, старый Купер, комнату, которую раньше называли комнатой царя Ирода? – спросил он дворецкого.
- Да, сэр, когда я был еще ребенком, в той комнате были гобелены с историей царя Ирода, – ответил тот.
- Там есть чулан, не так ли?
- Я не совсем в этом уверен. Но если и есть, он уже не представляет никакого интереса. Драпировки сгнили и отвалились от стен еще до вашего рождения. А внутри не осталось ничего, кроме старых сломанных вещей и прочегохлама. Я сам их туда складывал, когда бедный Твинк – помните, слуга, он еще был слепым на один глаз? – умер здесь, в этом доме, во время Великого Мороза². Нам потребовались немалые усилия, чтобы похоронить беднягу!
- Принеси ключ, старина, я хочу посмотреть эту комнату, – велел сквайр.
- И какого дьявола вам могло там понадобиться? – поинтересовался Купер в грубоватой манере, которую ему позволяли старомодные привилегии деревенского дворецкого.
- А какое, черт возьми, тебе до этого дело? Но я могу объяснить. Не хочу, чтобы моя собака жила в оружейной. Хочу переселить ее куда-нибудь в другое место, и мне все равно, куда. Так что можно отправить ее в ту комнату.
- Бульдог в спальне? Сэр! Люди скажут, что вы оконча-

---

² Зима 1708–1709 годов – необычайно холодная зима в Европе в конце 1708 – начале 1709 годов, которая оказалась самой холодной в Европе за последние 500 лет. В Великобритании известна как Великий Мороз, во Франции – как Великая Зима.

тельно спятили!

– Ну и пусть говорят. Возьми ключ, и пойдем заглянем туда.

– Вы бы лучше застрелили пса, вот это было бы правильно, мастер Чарли. Вы разве не слышали, какой шум он поднял прошлой ночью в оружейной? Ходил взад-вперед, рычал, как тигр на представлении. И потом, что ни говори, эта собака не стоит того, чтобы ее кормить. В ней ни капли собачьего нет, это дурной пес.

– Я в собаках получше разбираюсь, и он хороший пес! – раздраженно возразил Марстон.

– Если бы вы разбирались в собаках, вы бы его повесили, – не унимался Купер.

– Я не собираюсь его вешать, так что хватит об этом. Иди за ключом и помни – не спорь со мной. Я и сам могу передумать.

Эта причуда с посещением комнаты царя Ирода имела, по правде говоря, совершенно иную цель, чем та, которую озвучил сквайр. Голос из кошмара дал определенное указание, которое теперь засело у него в голове. И Марстон знал, что не успокоится, пока не проверит это. На самом деле в тот день Чарльз был далек от того, чтобы испытывать симпатию к собаке. Пес начинал вызывать у него мрачное подозрение. И если бы старый Купер не показал в очередной раз свой скверный характер, диктуя хозяину, что делать, Марстон немедленно избавился бы от животного еще до вечера.

Они с Купером поднялись на давно заброшенный третий этаж. В конце пыльной галереи находилась просторная комната. Старый гобелен, из-за которого она получила свое название, много лет назад заменили современными бумажными обоями. Но даже их теперь покрывала плесень, а в некоторых местах они свисали со стен. На полу лежал толстый слой пыли. В одном из углов валялись сваленные в кучу несколько сломанных стульев и досок вместе с другим хламом, тоже в паутине и пыли.

Сквайр и дворецкий заглянули в чулан, который оказался совершенно пуст. Чарли огляделся, и трудно было сказать, испытал он облегчение или разочарование.

– Здесь нет мебели, – сказал он и посмотрел в грязное окно. – Ты, кажется, говорил мне что-то в последнее время – я имею в виду не сегодняшнее утро – то ли об этой комнате, то ли о чулане?... Не помню, что...

– Господь с вами! Ничего такого я не говорил. И уже сорок лет не вспоминал об этой комнате.

– А есть ли в доме какая-нибудь старинная мебель, называемая *буфетом*? – задал сквайр новый вопрос.

– Буфетом? Да, конечно, в этой комнате был встроенный буфет. Теперь вы напомнили мне об этом, – кивнул Купер. – Но сейчас он заклеен обоями.

– И как он выглядит?

– Как маленький шкафчик в стене, – ответил старик.

– Хм... Интересно... Так он где-то здесь, под обоями? По-

кажи мне, где.

– Ну, я думаю, он был где-то тут, – предположил дворецкий, постукивая костяшками пальцев по стене напротив окна. – Да, вот он, – добавил Купер, когда его постукивания гулко зазвучали по деревянной двери.

Сквайр сорвал со стены обрывки обоев и открыл дверцы небольшого встроенного шкафчика площадью около двух квадратных футов.

– То, что нужно для моих пряжек и пистолетов, а также для остальных безделушек, – заявил он. – Пошли отсюда, и оставим собаку там, где она живет сейчас. У тебя есть ключ от этого шкафчика?

Дворецкий покачал головой: ключа у него не было. Старый мастер в свое время забрал из буфета все вещи и запер его, после чего велел, чтобы его заклеили обоями – вот и все.

Когда сквайр и дворецкий спустились вниз, Чарльз, оставшись один, достал из мастерской крепкую отвертку, тайком вернулся в комнату царя Ирода и без особого труда взломал дверцу небольшого шкафа в стене. Там нашлось несколько писем и расторгнутых договоров аренды, а также документ, написанный на пергаменте. С большим волнением Марстон взял его с полки и прочитал. Это был имущественный документ, составленный примерно через две недели после других и гласивший, что Гилингден является так называемым «заповедным имуществом», а значит, переходит по наследству от отца к старшему сыну.

За время тяжбы с братом Красавчик Чарли приобрел кое-какие юридические познания. Ему стало ясно, что результатом обнаружения этого документа будет не только передача дома и земель Скрупу. Чарльзу самому придется сдать-ся на милость обозлившегося на него брата. И тот получит полное право взыскать с Чарли лично каждую гинею, которую он когда-либо получал в качестве арендной платы со дня смерти отца.

Мрачный, пасмурный день словно таил в себе смутную угрозу. Туда, где стоял в оцепенении Чарльз, упала густая тень от кроны одного из склонившихся к окну огромных старых деревьев.

В состоянии тягостного замешательства Чарли попытался обдумать свое положение. Он положил документ в карман, почти решившись уничтожить его. Еще недавно в подобных обстоятельствах он не колебался бы ни минуты. Но теперь его здоровье и нервы были расшатаны, и сквайр испытывал необъяснимую тревогу, которую это странное открытие усилило еще больше.

Мучительные размышления Марстона прервало сопение за дверью комнаты, настойчивое царапанье и протяжное низкое рычание. Он собрался с духом и, не зная, чего ожидать, распахнул дверь, за которой увидел пса – не такого, каким тот был во сне, а извивавшегося от радости, приседавшего и ластившегося с нетерпеливой покорностью. А затем зверь прошелся по комнате, глухо ворча в каждом углу и,

казалось, пребывая в неодолимом волнении.

Завершив свой странный обход, собака вернулась к хозяйину и снова принялась ластиться, сев у его ног.

Теперь, когда первый испуг Чарльза прошел, чувство отращения и страха начало утихать. Он почти упрекнул себя за то, что отплатил бедному одинокому животному за привязанность антипатией, которую тот на самом деле ничем не заслужил.

Чарльз ринулся прочь из комнаты, и собака побежала за ним вниз по лестнице. Как ни странно, вид этого зверя после первого приступа неприязни успокоил Марстона. В его глазах пес снова стал преданным, добродушным и, по-видимому, самым обычным.

К вечеру сквайр решил избрать средний путь: не сообщать брату о своем открытии, но и не уничтожать документ. Он знал, что никогда не женится – время, когда это было возможно, уже прошло. Так что он мог оставить после себя письмо, в котором рассказал бы о найденном документе. Письмо можно будет адресовать единственному из указанных в нем попечителей, оставшихся в живых. Тот наверняка уже и забыл бы об этом деле. Так Чарли обеспечил бы себе дальнейшее пребывание хозяином дома и сделал бы так, чтобы все было исправлено после его смерти. Разве это не справедливо? Во всяком случае, это вполне удовлетворяло то, что Марстон называл своей совестью, и он подумал, что это чертовски хороший компромисс для его брата.

На закате Чарльз отправился на свою обычную прогулку.

Когда он возвращался в сгущающихся сумерках, собака, как обычно сопровождавшая его, вдруг начала особенно резво и дико скакать и бегать вокруг – так же, как в первый раз, когда Чарльз ее встретил. Она носилась с бешеной скоростью, опустив большую голову к передним лапам. Ее возбуждение все росло, круги сужались, а непрерывное рычание становилось все громче и яростнее. В конце концов ее хозяин остановился и крепко сжал трость, потому что злобные глаза и оскал зверя выглядели слишком угрожающе. Сквайр заметался, отмахиваясь от разошедшегося пса. Тщетно пытаясь ударить бульдога тростью, Чарльз так устал, что почти отчаялся его отогнать. Но вдруг собака резко остановилась и подползла к ногам хозяина, покорно припадая к земле.

Более извиняющегося и униженного пса трудно себе представить. И когда Марстон нанес ему пару сильных ударов тростью, тот лишь заскулил, скорчился и стал лизать ему ноги. Сквайр сел на поваленное дерево, а животное начало как ни в чем не бывало рыть носом среди корней. Чарли нащупал в нагрудном кармане пергамент – он был в безопасности.

В этом уединенном месте сквайр снова задумался. Должен ли он сохранить документ, дабы брат после смерти Чарли мог восстановить права на дом? Или ему следует немедленно уничтожить бумагу? Мужчина начал склоняться к последнему решению, и тут его снова напугало протяжное низкое рычание собаки.

Странная игра света – слабое красное свечение, отраженное небом после захода солнца, – теперь придавала сгущающейся тьме зловещую неопределенность. Унылая роща, расположенная в пологой ложине, из-за горизонта, скрытого со всех сторон, навевала особое ощущение одиночества.

Чарльз встал и кинул взгляд на некое подобие ограды, случайно образовавшейся из сваленных стволов срубленных деревьев. Собака стояла с другой ее стороны. Она вся напряжилась и вытянулась, так что ее уродливая голова, казалось, увеличилась вдвое. Сквайр снова ясно вспомнил свой сон. Тем временем между стволами просунулась неуклюжая голова животного, за ней – напряженная удлинившаяся шея, а потом и извивающееся тело, похожее на огромную ящерицу. Пробираясь через бревна, собака рычала и смотрела на хозяина так свирепо, словно собиралась сожрать его.

Быстро, насколько позволяла хромота, сквайр поспешил из этого уединенного места к дому. Вряд ли он сам осознавал, какие мысли проносились у него в голове. Однако когда собака догнала Чарльза, она казалась умиротворенной и даже радостной и вовсе не походила на зверя, который преследовал его в кошмарах.

В тот же вечер, около десяти часов, сквайр, уже порядком напуганный, послал за сторожем и сказал ему, что, мол, собака бешеная и ее нужно немедленно пристрелить. Собаку лучше спокойно убить в оружейной, где она сейчас находится. Пара дробинок в драпировке не имеет значения, зато у пса

не останется шансов сбежать.

Чарльз вручил сторожу двуствольное ружье, заряженное крупной дробью. Сам он в оружейную не пошел, но перед дверью остановил слугу и положил ладонь на его руку, державшую ружье. И сторож потом говорил, что рука хозяина дрожала и он выглядел «белым как молоко».

– Слышишь? – прошептал сквайр.

Собака, опять явно в сильном возбуждении, металась по комнате – угрожающе рычала, вскакивала на табурет у окна и снова прыгала на пол, бегала кругами.

– Будь начеку. Имей в виду – не дай ему шанса проскользнуть мимо, понимаешь? Разряди в него оба ствола! – велел Марстон.

– Это не первая бешеная собака, которую я прибил, сэр, – заверил его слуга с очень серьезным видом и вскинул ружье.

Когда сторож открыл дверь, собака бросалась на решетку нерастопленного камина. Он рассказывал потом, что «никогда не видел такого пристального и свирепого дьявольского взгляда». Зверь сделал вираж, будто собираясь прыгнуть в дымоход – «но туда ему было не протиснуться» – и завыл. Причем не как собака, а как человек, попавший в мельничные жернова. И прежде чем зверь бросился на сторожа, тот выстрелил в него из одного ствола. Пес прыгнул на него, перекатился кувырком и, упав на пол, получил второй заряд в голову, вереща у ног сторожа!

– В жизни не видел ничего подобного, не слышал такого

визга! – пробормотал сторож, отшатываясь от пса и выходя из оружейной. – У меня странное чувство...

– Он... совсем мертв? – спросил сквайр.

– Не шевелится, сэр, – сказал сторож, волоча животное за загривок по полу.

– Немедленно выбрось его за дверь, – приказал Чарли. – И не забудь вынести за ворота сегодня ночью. Старый Купер говорит, что это оборотень. – Бледный сквайр улыбнулся. – В Гилингдене нельзя его оставлять.

Никогда еще человек не испытывал такого облегчения, как Марстон в тот момент. Целую неделю после этого он спал как младенец.

Если у человека появляются какие-либо благие намерения, надлежит действовать незамедлительно. Ибо существует в душе определенная тяга к злу, которая, если пустить ее на самотек, приведет к плачевному результату. Так и наш сквайр: в момент суеверного страха он решился на большую жертву и собрался действовать честно по отношению к Скрупу. Но скоро справедливое решение уступило место мошенническому компромиссу. Теперь Чарли удобно отложил восстановление справедливости до того срока, когда сам он уже не сможет наслаждаться жизнью в отцовском доме. А затем до него дошли новые известия о яростных и угрожающих выпадах старшего брата. Тот всегда обещал одно и то же – что он не оставит камня на камне, чтобы доказать: существует документ, который Чарльз либо спрятал, либо уничтожил, и

Скруп никогда не успокоится, пока Чарльз не повесят.

Это, конечно, была пустая болтовня. Сначала она только злила Чарли. Но вскоре недавно пережитые и подавленные муки совести породили в нем страх. В пергаменте таилась опасность, и мало-помалу Чарльз пришел к решению уничтожить документ. Он долго колебался и несколько раз менял решение. Но в конце концов он избавился от того, что в любой момент могло стать причиной его позора и разорения. Поначалу это принесло ему облегчение, но затем нахлынуло новое ужасающее чувство реальной вины.

Однажды ночью он проснулся – или ему казалось, что проснулся – от того, что кровать сильно затряслась. В полутьме Чарльз увидел стоявшие в ногах две фигуры, державшиеся за столбики кровати. Один из них, судя по всему, был его братом Скрупом, а другим, несомненно, – старый сквайр. Младший Марстон понял, что это они разбудили его. Сквайр Тоби что-то говорил, когда Чарли проснулся, и младший сын услышал его последние слова:

– ...Изгнанный тобой из собственного дома! Но это долго не продлится. Теперь мы войдем сюда вместе и останемся. Ты был предупрежден заранее, ты знал, что делал! Теперь видел нас своими глазами, и Скруп повесит тебя! Мы повесим тебя вместе! Посмотри на меня, ты, дьявольское отродье!

И старый сквайр, дрожа, повернул к Чарли лицо, израненное выстрелами и окровавленное. И с каждым мгновением

все больше и больше становясь похожим на собаку, он начал вытягиваться и взбираться на кровать по изножью. А рядом с ним Марстон-младший видел другую фигуру, нечеткое черное пятно – тень, которая тоже стала залезать на кровать. И в комнате тут же воцарились ужасная суматоха и шум, слышались гомон и смех. Чарльз не мог разобрать слов... Он проснулся с криком и обнаружил, что стоит на полу. Призраки и шум исчезли, но в ушах все еще раздавался грохот и звон осколков. Большая фарфоровая чаша, из которой многочисленные поколения Марстонов принимали крещение, упала с каминной полки и разбилась.

– Мне всю ночь снился мистер Скруп. Я бы не удивился, старина Купер, если бы узнал, что он умер, – сообщил сквайр, спустившись утром в столовую.

– Боже упаси! Он мне тоже снился, сэр: снилось, что он чертыхался и тонул, а в его пальто была прожжена дыра. И старый хозяин – да пребудет с ним бог! – сказал совершенно отчетливо... Я бы поклялся, что это был именно он! Он сказал: «Купер, вставай, ты, проклятый вор! Что вылупился? Помоги мне повесить его – потому что этот глупый пес мне не сын». Я полагаю, это все из-за собаки, застреленной той ночью. Она не выходит у меня из головы. Еще мне показалось, что старый хозяин ударил меня кулаком, и я, проснувшись, вскричал спросонок: «К вашим услугам, сэр!» И потом какое-то время не мог отделаться от ощущения, будто хозяин все еще находится в комнате.

Письма из города, однако, вскоре убедили сквайра в том, что его брат Скруп не только не мертв, но и очень даже активен. Адвокат сообщил Чарли, что старший Марстон откуда-то узнал о дополнительном имущественном документе и намеревается возбудить дело, чтобы отстоять право стать хозяином Гилингдена. В ответ Красавчик Чарли, собрав все свое мужество, написал адвокату храброе опровержение. Но тяжелые предчувствия его не покидали.

Скруп продолжал во всеуслышание угрожать брату обещанием «повесить наконец этого мошенника».

Однако в разгар проклятий и шантажа неожиданно воцарился мир: Скруп умер, так и не успев перед смертью осуществить свои угрозы. Это был один из тех случаев болезни сердца, при которых смерть наступает внезапно, как от пули.

Чарли не скрывал триумфа, и это выглядело шокирующе. Он не был, конечно, совсем уж злым человеком, но освобождение от тайного гнетущего страха вызвало у него бурю ликования. Кроме того, как выяснилось, сквайра ждала еще одна величайшая удача. Всего за день до смерти Скруп уничтожил завещание, в котором все до последнего фартинга доставалось любому незнакомцу, который согласится продолжить судебное преследование против Чарли.

В результате все имущество Марстона-старшего безоговорочно перешло к его брату Чарльзу как к законному наследнику. Теперь у последнего имелись все основания для полного торжества. Но и глубоко укоренившаяся ненависть, плод

взаимных обид и оскорблений, полжизни сопровождавшая Чарльза, не покидала его. Так что Красавчик Чарли продолжал таить злобу и выискивать способы отомстить уже умершему брату.

Он бы с радостью запретил хоронить брата в старой часовне Гилингдена, где тому надлежало быть погребенным, но адвокаты сказали, что у Чарльза нет таких прав. К тому же он не мог бы избежать скандала из-за отмены похорон. Ведь туда обязательно явится часть местных джентри³ и других людей, семьи которых на протяжении многих поколений поддерживали дружеские отношения с Марстонами.

Однако Чарльз предупредил слуг, чтобы никто из них не вздумал прийти на похороны. Сопровождая угрозы ругательствами и проклятиями, он заявил, что любой из прислуги, кто не послушается, по возвращении обнаружит перед носом закрытую дверь.

Не думаю, что кто-то из слуг, за исключением старого Купера, переживал из-за запрета. Дворецкий же был очень раздосадован тем, что старшего сына старого сквайра похоронят в семейной часовне без должного уважения со стороны Гилингден-холла. Он предложил поставить в дубовой гостиной, по крайней мере, немного вина и небольшое угощение на случай, если кто-нибудь из сельских джентльменов, ре-

---

³ Джентри (от старофранцузского *genterie*, «высокородный, благородный») – «родовитые, благородные и хорошо воспитанные люди» высокого социального класса.

шивших оказать уважение семье, заглянет в дом. Но сквайр только обругал его, приказав заниматься своими делами, а гостям, если таковые появятся, сообщить, что его нет дома и никаких поминок никто здесь не устраивает. То есть, грубо говоря, велел выставить их вон. Купер принялся возражать, и Чарли разозлился еще больше. После бурной сцены он схватил шляпу с тростью и вышел – как раз в тот момент, когда из дома стала видна похоронная процессия, спускавшаяся в долину со стороны гостиницы «Старый ангел».

Том Купер безутешно бродил у ворот дома и считал экипажи. Когда похороны закончились и все начали разъезжаться, он направился обратно к дому. Издалека дворецкий увидел, как к крыльцу подъехала траурная карета, из которой вышли два джентльмена в черных плащах и с крепом на шляпах. Не глядя по сторонам, они поднялись по ступенькам в дом. Купер медленно последовал за ними. В дверях он оглянулся – кареты уже не было, поэтому дворецкий предположил, что она обогнула дом и отъехала во двор.

В холле Том встретил слугу, который видел, как два джентльмена в черных плащах прошли через холл и поднялись по лестнице, не снимая шляп и ни у кого не спрашивая разрешения.

– Очень странно, – подумал старый Купер, – что за вольность?

Он поднялся наверх, чтобы разобраться с незваными гостями. Но ему так и не удалось их найти. И с того часа в доме

воцарилось смятение.

Всем слугам стало казаться, что в коридорах они слышат шаги и голоса, а в углах галерей или в темных нишах их пугал хихикающий, угрожающий шепот. Слуги в панике бросали дела – к неудовольствию отчитывавшей их худой миссис Беккет, которая считала такие истории полной ерундой. Но вскоре и самой миссис Беккет пришлось изменить свое мнение.

Она тоже начала слышать голоса, и самое ужасное – непременно во время молитв. Всю жизнь Беккет строго соблюдала ежедневное молитвенное правило, а сейчас ей приходилось прерываться. Она пугалась, но упорно продолжала произносить нужные слова и фразы. Однако невнятный поначалу шепот голосов постепенно начинал складываться в угрозы и богохульства.

Эти голоса не всегда звучали в комнате. Они звали, казалось, сквозь стены – очень толстые в этом старом доме, – из соседних помещений, иногда с одной стороны, иногда с другой. Порой они кричали из дальних вестибюлей или шептали предостережения через длинные, обшитые панелями коридоры. По мере приближения они становились все более разъяренными, как будто несколько голосов говорили одновременно. Всякий раз, повторяюсь, когда эта достойная женщина обращалась к молитвам, ужасные ругающиеся голоса поднимали шум, и она в панике вскакивала с колен, после чего все стихало. Только ее сердце билось о корсет, а тело

сотрясала нервная дрожь.

Уже через минуту после того, как голоса замолкали, миссис Беккет не могла вспомнить, что конкретно они говорили. Одна фраза вытесняла другую, и все насмешки, угрозы и нечестивые обвинения, каждое из которых было предельно четко сформулировано, пропадали из памяти людей, как только стихали. Это лишь усиливало тревогу от услышанного. Их ужасное звучание еще долго оставалось в сознании миссис Беккет, но никакими усилиями не могла она сохранить их смысл в памяти.

Долгое время сквайр, казалось, был единственным человеком в доме, абсолютно не подозревающим об этих неприятностях. За неделю миссис Беккет дважды собиралась увольняться. Однако любая благоразумная женщина, более двадцати лет комфортно прожившая в богатом доме, много раз подумает, прежде чем покинуть его. Она и Том Купер – единственные слуги, которые помнили, как велось домашнее хозяйство в старые добрые времена при сквайре Тоби. Остальных слуг было немного, их нанимали от случая к случаю. Мег Доббс, выполнявшая обязанности горничной, отказалась спать в доме и каждую ночь в сопровождении младшего брата возвращалась к отцу в домик сторожа у ворот. Старая миссис Беккет, высокомерная и властная по отношению к подручным слугам пришедшего в упадок Гилингдена, тоже сдалась и велела миссис Каймс и кухарке перенести их кровати в ее большую комнату. И там бедным на-

пуганным женщинам легче было преодолевать ночные страхи.

Старого Купера очень раздражали все эти истории. Ему и так было не по себе из-за появления в доме двух закутанных фигур, которые не могли ему померещиться: он видел гостей собственными глазами. Но Купер отказывался верить рассказам женщин и уговаривал сам себя, что те двое скорбящих, скорее всего, покинули дом и уехали, не найдя никого, кто оказал бы им прием.

Как-то ночью дворецкого вызвали в дубовую гостиную, где курил сквайр.

– Послушай, Купер, – проговорил бледный и сердитый Чарльз, – зачем ты пугаешь этих легковверных женщин своими чумными рассказами? Черт возьми, если ты везде видишь призраков, тебе здесь не место и пора убираться вон. Я не хочу остаться без слуг. Здесь только что была старуха Беккет вместе с поваром и кухаркой, белыми, как оконная замазка. Они все выстроились в ряд, чтобы сообщить, что у меня в доме должен жить пастор, который ночевал бы среди них и изгонял дьявола! Клянусь моей душой, ты, старый труп, наполняющий их головы червями! Мег каждую ночь бегаёт в сторожку, боясь спать в доме, – все это твоих рук дело. Это из-за твоих бабкиных сказок, ты, иссохший старый Том из Бедлама⁴!

---

⁴ Бедлам – госпиталь святой Марии Вифлеемской, психиатрическая больница в Лондоне. Название стало нарицательным, вначале – синонимом психиатри-

– Я не виноват, мастер Чарльз. Призраков нет ни в одной из моих историй. Наоборот – я все время твержу другим, что все это суеверия и вздор. У нас с миссис Беккет, скажу я вам, было много весьма неприятных разговоров. Что бы я ни *думал*, – многозначительно добавил старый Купер, искоса глядя на сквайра с выражением страха на лице.

Чарльз отвел глаза, сердито пробурчал себе под нос и отвернулся, чтобы выбить пепел из трубки. Затем, внезапно снова повернувшись к Тому, продолжил с бледным лицом, но уже не так грубовато, как раньше.

– Я знаю, ты не дурак, старина Купер, когда не хочешь им казаться. Предположим, что здесь и впрямь завелся призрак, – разве он стал бы разговаривать с этими дурехами? Когда-то у тебя имелась своя голова на плечах, Купер, – так не надевай на нее гусиную шапку, как говаривал мой бедный отец! Черт возьми, старина, не позволяй им быть идиотками и сводить друг друга с ума своей болтовней. Люди в округе не должны сплетничать о Гилингдене и обсуждать нашу семью. Не думаю, что тебе это нравится, старина Купер! Даже уверен, что тебе это не нравится... Женщины ушли из кухни – разведи там несильный огонь да набей свою трубку. Я присоединюсь к тебе, когда закончу курить эту, и мы немного подышим вместе и выпьем по стаканчику бренди.

Старый дворецкий отнесся с опаской к щедрому предло-

ческой клиники, а позже – словом для обозначения крайней неразберихи из-за творившегося там в XVI веке беспорядка.

жению хозяина: за все годы он не встречал такого снисхождения.

Но делать нечего, Том, по приказу хозяина, навел порядок в старой просторной кухне, удобно уселся, положив ноги на каминную решетку. На сосновом столе в большом медном подсвечнике горела кухонная свеча, стоявшая рядом с бутылкой бренди и стаканами. Трубка Купера тоже лежала там, готовая к использованию. Когда все приготовления завершились, старый дворецкий, который помнил предыдущие поколения хозяев и лучшие времена, погрузился в размышления, а затем постепенно и в глубокий сон.

Потревожил Купера низкий смех, раздавшийся возле головы. Ему снились старые времена и теперь показалось, что один из молодых джентльменов собирается подшутить над ним. Дворецкий что-то пробормотал во сне, после чего его разбудил строгий низкий голос, сказавший: «Ты не был на похоронах; я могу лишить тебя жизни, но лишь дерну за ухо». В тот же момент голову обожгла сильная боль, и слуга вскочил на ноги. Огонь в камине погас, и Купер замерз. Свеча догорала в подсвечнике, отбрасывая на белую стену длинные тени, которые плясали и подпрыгивали вверх-вниз от потолка до пола. И эти черные очертания напоминали двух мужчин в плащах, которых он вспомнил с отчетливым ужасом.

Дворецкий схватил свечу и со всей возможной поспешностью ринулся по коридору, на стенах которого продолжался

танец черных теней. Купер очень желал добраться до своей комнаты до того, как свет погаснет. И тут его до полусмерти напугал внезапный звон колокольчика, который яростно дребезжал прямо над головой, вызывая к хозяину.

– Ха-ха! Вот оно – да, конечно, – пробормотал Купер, успокаивая себя звуком собственного голоса, и ускорил шаг, с тревогой вслушиваясь в яростный звон, все более настойчивый. – Он заснул, как и я. Вот и все. Его свеча погасла, ставлю пятьдесят...

Когда он повернул ручку двери дубовой гостиной, сквайр вскричал голосом человека, ожидающего грабителя:

– Кто там?!

– Это я, старый Купер, все в порядке, мастер Чарли. Вы так и не пришли на кухню, сэр.

– Мне очень плохо, Купер; я не знаю, что со мной. Ты встретил кого-нибудь? – спросил сквайр.

– Нет, – покачал головой дворецкий.

Они уставились друг на друга.

– Иди сюда – и посиди со мной! Не оставляй меня! Осмотри комнату и скажи, все ли в порядке. И дай руку, старина, потому что мне надо за нее держаться.

Рука Чарльза оказалась влажной, холодной и трясущейся. До рассвета оставалось недолго.

Через некоторое время сквайр заговорил снова:

– Я сделал много такого, чего не должен был. Ходить толком не могу, но все-таки – помилуй меня господи! – наде-

ую свою жизнь наладить. Что ж я, не человек, что ли? Пусть и хромой, как старый козел Билли, и пользы от меня мало. Но я брошу пить и женюсь – давным-давно пора! И не на этих расфуфыренных прекрасных дамах, а на хорошей крестьянской девушке. Есть младшая дочь фермера Крампа, замечательная скромная девица. Почему бы не взять ее в жены? Она станет заботиться обо мне, а не забивать себе голову любовными романами и прочей чепухой. Вот поговорю с пастором, женюсь и буду жить как честный человек. Купер, поверь мне – я и вправду сожалею о многих вещах, которые сделал.

К этому времени наступил холодный рассвет. Сквайр, по словам Купера, выглядел «хуже некуда». Но он взял шляпу и трость и отправился на прогулку вместо того, чтобы лечь спать, как умолял дворецкий. Чарли казался таким диким и растерянным, что было ясно: он просто хотел сбежать из дома. Лишь в двенадцать часов сквайр вернулся в кухню, где надеялся обнаружить слуг. За эти сутки он как будто на десять лет постарел. Не говоря ни слова, хозяин придвинул табурет к камину и сел. Купер послал в Эпплбери за доктором, который вскоре прибыл, но Чарльз не вышел к нему.

– Если доктор хочет меня видеть, пусть приходит сюда, – бормотал больной в ответ на каждую попытку Тома отвести его в зал.

В конце концов доктор действительно сделал милость и пришел на кухню, найдя сквайра в гораздо худшем состоя-

нии, чем ожидал.

Чарли воспротивился приказу лечь в постель, но доктор настаивал на этом, уверяя, что иначе – смерть. Этого пациент испугался.

– Хорошо, сделаю, как вы говорите, только вот что: вы должны позволить старому Куперу и леснику Дику остаться со мной. Мне нельзя быть одному, и они должны бодрствовать по ночам, и вы тоже останьтесь ненадолго, *прошу вас!* Когда немного приду в себя, я уеду и стану жить в городе. Скучно здесь теперь – когда я не могу делать ничего, как раньше... Я буду жить лучшей жизнью, имейте в виду. Вы слышали мои слова, и мне все равно, если это звучит смешно. Я поговорю со священником и женюсь. Уверен, я поступлю правильно.

Доктор все-таки прислал пару сестер милосердия из окружной больницы, не решившись доверить своего пациента слугам. Сам же отправился в Гилингден. Старому Куперу было приказано занять гардеробную и не спать по ночам. Это вполне удовлетворило сквайра, находившегося в странном возбужденном состоянии. Он был очень слаб и, по словам врача, мог заболеть лихорадкой.

Пришел священник – мягкий, интеллигентный пожилой человек. Поздно вечером он пообщался с Чарльзом и помолился. После его ухода сквайр подозвал сестер к постели и сказал:

– Иногда сюда приходит один парень. Он заглядывает в

дверь и зовет к себе – худой, горбун в трауре, в черных перчатках. Вы узнаете его по худому лицу, коричневому, как старая деревяшка. Еще и улыбается. Так вот: не обращайтесь на него внимания. Не ходите за ним и не зовите сюда. Этот человек ничего вам не сделает, а если даже разозлится и будет злобно смотреть на вас, все равно не бойтесь: он не может причинить вам вреда. Парень просто устанет ждать и уйдет. Но ради бога, ради бога, запомните: не приглашайте его войти и не выходите за ним!

Выслушав это, медсестры переглянулись и шепотом обратились к старому Куперу.

– Да благословит вас бог! Нет, в нашем доме нет сумасшедших! – запротестовал он. – Никого постороннего здесь нет! Всех обитателей дома вы видели. А это просто небольшая лихорадка играет в голове хозяина, не более.

Сквайру становилось хуже по мере того, как тянулась ночь. Он был в тяжелом состоянии и бредил, говоря о самых разных вещах – о вине, собаках, адвокатах... А потом вдруг как будто заговорил со своим братом Скрупом. Когда это началось, миссис Оливер, сиделка, которая в тот момент находилась с ним, услышала, как чья-то рука мягко легла на дверную ручку снаружи и украдкой попыталась повернуть ее.

– Да благословит нас господь! Кто там? – воскликнула женщина. Ее сердце подпрыгнуло, когда она подумала о горбатом человеке в черном, о котором говорил ее пациент, – улыбающемся и манящем за собой. – Мистер Купер! Сэр!

Вы здесь? – закричала она. – Подойдите сюда, мистер Купер, пожалуйста, поспешите, сэр, быстрее!

Старый Том, очнувшись от дремоты у камина, буквально ввалился в комнату из гардеробной. Миссис Оливер крепко схватила его за руку.

– Человек с горбом открывал дверь, мистер Купер! Это так же верно, как то, что я здесь стою! – Пока она говорила, сквайр стонал и бормотал в лихорадке, ничего не осознавая.

– Нет, нет! Миссис Оливер, мэм, это невозможно, потому что в доме нет такого человека, – попытался успокоить ее дворецкий. – Что говорит мастер Чарли?

– Он каждую минуту говорит: «Скруп»... и – шшш! – послушайте, снова кто-то трогает ручку двери! – ахнула сиделка и вдруг завопила: – Смотрите, голова и шея в дверях! – И она, дрожа, стиснула старого Купера в судорожных объятиях.

В комнате горела свеча, и у двери появилась колеблющаяся тень, похожая на голову человека с длинной шеей и острым носом, которая заглянула внутрь.

– Не будьте д-дурой, мэм! – вскричал Том, сильно побледнев и изо всех сил встряхнув женщину. – Это всего лишь свеча, говорю вам – ничего, кроме свечи. Разве вы не видите? – Он поднял подсвечник. – Уверен, что никто у двери не стоял, но я проверю, если вы меня отпустите.

Другая сестра в это время спала на диване, и перепуганная миссис Оливер разбудила ее, чтобы не оставаться в оди-

ночестве. Старый Купер открыл дверь. В углу галереи виднелась тень, похожая на тень в комнате. Слуга немного приподнял свечу, и тень, казалось, поманила его длинной рукой, а ее голова откинулась назад.

– Это тень от свечи! – громко сказал себе Том, решив не поддаваться панике, как миссис Оливер, и с подсвечником в руке направился к углу. Там никого не было. Дворецкий не мог удержаться от того, чтобы не заглянуть в длинную галерею. Когда он посветил туда, то увидел точно такую же тень немного дальше. Он шагнул вперед, и тень снова, как и раньше, отступила и поманила его за собой.

– Тьфу ты! – буркнул Том. – Это всего лишь свеча.

И он пошел вперед, одновременно и злясь, и пугаясь настойчивости, с которой эта уродливая тень – самая обычная тень, он был в этом уверен – маячила перед ним, отдаляясь при каждом шаге. Очередной раз приблизившись к ней, дворецкий увидел, как тень будто бы сжалась и почти растворилась в центральной панели старого резного шкафа.

На панели имелся рельеф, вырезанный в виде волчьей головы. Свет странным образом падал на него, и беглая тень здесь словно бы распадалась, странно меняя очертания. Глаз волка сверкнул огоньком отраженного света, затем так же сверкнула его ухмыляющаяся пасть. Дворецкий увидел длинный острый нос Скрупа Марстона и его свирепый взгляд, устремленный на него, как ему показалось, вполне осмысленно.

Купер стоял, не в силах пошевелиться: на фоне шкафа начали проступать лицо и фигура Скрупа. В тот же миг раздались голоса, быстро приближающиеся по боковой галерее. С громким «господи помилуй нас!» Том развернулся и побежал обратно, преследуемый грохотом, который, казалось, сотрясал старый дом, как сильный порыв ветра.

Том ворвался в комнату хозяина, полубезумный от страха. Он захлопнул дверь и так поспешно повернул в замке ключ, словно за ним гнались убийцы.

– Вы слышали это? – прошептал Купер, замерев у двери гардеробной. Все прислушались, но ни один звук снаружи не нарушал тишины ночи. – Да благословит нас господь! Наверное, совсем я сбрендил на старости лет... – воскликнул дворецкий.

Он не сказал сиделкам ничего, кроме того, что сам оказался «старым дураком», потому что поверил их рассказам, и сейчас, чтобы напугать его, хватило бы «дребезжания окна или звука упавшей булавки». Поэтому Том решил скоротать ночь за бренди и за беседой с сиделками у камина.

Постепенно сквайр стал медленно оправляться от мозговой лихорадки, но выздороветь полностью ему не удалось. По словам доктора, любой мелочи было достаточно, чтобы расстроить его. Упадок сил все еще не позволял вывозить Чарльза из спальни на свежий воздух для смены обстановки, необходимой для окончательного восстановления.

Купер спал в гардеробной и теперь был его единственным

ночным дежурным. Повадки больного стали странными: он любил по ночам, полусидя в постели, курить длинную трубку и заставлял старого Тома дымить с ним за компанию у камина. Курение стало для них молчаливым удовольствием. Однажды, когда они предавались этому занятию, хозяин Гиллингдена, докурив третью трубку, попытался завязать разговор. Причем выбранная им тема оказалась совсем не по душе дворецкому.

– Послушай, старина Купер, посмотри мне в глаза и ответь честно, не бойся, – спросил сквайр, глядя на него с хитрой и вызывающей улыбкой. – Все это время ты не хуже меня знал, кто находится в доме. Не отпирайся... А?... Это ведь были Скруп и мой отец?..

– Не смейте так говорить, Чарли, – после долгого молчания испуганно отозвался старый Купер. Он попытался сурово взглянуть хозяину в лицо, но выражение лица сквайра не изменилось.

– Что толку притворяться, Купер? Скруп дернул тебя за правое ухо – ты знаешь, что он это сделал. Братец очень рассердился. Он чуть не лишил меня жизни, заразив лихорадкой. Но он еще не закончил со мной и ужасно зол. Ты видел его... Ты знаешь, что видел.

Том был серьезно испуган, а странная улыбка на губах сквайра ужаснула его еще больше. Он бросил трубку и встал, молча глядя на хозяина и чувствуя себя, словно во сне.

– Если вы так думаете, вам не следует улыбаться, – мрачно

заметил дворецкий.

– Я устал, Купер, а улыбка не хуже, чем любая другая реакция, так что я буду улыбаться, пока могу. Ты знаешь, что они собираются сделать со мной. Это все, что я хотел сказать. А теперь, старина, продолжай курить – а я хочу спать.

С этими словами Чарли развернулся на постели и с безмятежным видом улегся, положив голову на подушку. Старый Купер посмотрел на него, перевел взгляд на дверь, а потом налил себе полстакана бренди и выпил залпом. Почувствовав себя немного лучше, он добрался до своей постели в гардеробной.

Глубокой ночью Купера внезапно разбудил сквайр, который стоял в халате и тапочках у его кровати.

– Я принес тебе небольшой подарок. Вчера я получил арендную плату от Хейзелдена, и часть ее ты оставишь себе – полсотни, – а остальное отдашь завтра Нелли Карвел. Так я буду спать спокойнее. Все изменилось с тех пор, как я увидел Скрупа. В конце концов, он не такой уж плохой парень, старина, и я бы многое сделал для него сейчас. Я просто никогда его не выносил. Доброй ночи, старина Купер!

С этими словами сквайр ласково положил дрожащую руку на плечо старика и вернулся в свою комнату.

– Мне совсем не нравится, каким он стал. Доктор приходит недостаточно часто, – проворчал дворецкий. – Не нравится мне эта странная улыбка. А его рука холодна как смерть! Надеюсь, его мозги, дай бог, окончательно не повре-

дились!

Он постарался направить мысли в более приятное русло – к полученному только что подарку – и наконец заснул.

Утром, войдя в комнату сквайра, Том обнаружил, что тот уже встал с постели и куда-то ушел.

«Ничего страшного, вернется, как фальшивый шиллинг», – подумал старый Купер, как обычно приводя в порядок комнату. Но Марстон не вернулся. Люди ощутили беспокойство, быстро сменившееся паникой, когда стало ясно, что сквайра в доме нет. Что с ним произошло? Из одежды, кроме халата и тапочек, ничего не пропало. Неужели, будучи больным и слабым, он покинул дом в этом наряде? И если да, то в здравом ли он уме? Есть ли у него шанс пережить холодную, сырую ночь на открытом воздухе?

Том Эдвардс, сосед, рассказал, что в прошлую ночь, часа в четыре, они отправились вместе с фермером Ноуксом на его телеге на базар. Они проехали милю или около того и в темноте (ночь была безлунной) увидели перед собой троих мужчин, которые двигались по дороге от Гилингден-Лодж к кладбищу. Ворота кладбища открылись перед этими тремя фигурами, и незнакомцы вошли туда, после чего ворота закрылись. Том Эдвардс подумал, что эти люди готовятся к погребению кого-то из членов семьи Марстонов. Но Куперу, знавшему, что похорон в семье не намечается, это событие показалось ужасно зловещим.

Дворецкий предпринял тщательные поиски и наконец

вспомнил о пустом верхнем этаже и комнате царя Ирода. Там ничего не изменилось, лишь дверца чулана оказалась заперта, и нечто похожее на большой белый узел, торчащий над дверцей, привлекло внимание Купера.

Сразу дверцу открыть не удалось: похоже, огромный вес сдерживал ее. Однако в конце концов она немного поддавалась, и весь дом сотрясся от тяжелого грохота. Со звуком, похожим на удаляющийся смех, по тихим коридорам разлетелось эхо, наполовину оглушив Тома.

Он толкнул дверцу и увидел умершего хозяина. Галстук, туго затянутый на шее, сыграл роль виселицы. Тело давно остыло.

Коронер, как положено, провел дознание и вынес вердикт, «что покойный, Чарльз Марстон, наложил на себя руки в состоянии временного помешательства». Но у старого Тома имелось другое мнение о смерти сквайра, хотя его уста были запечатаны, и он никогда ни с кем им не делился. Купер уехал и прожил остаток дней в Йорке, где люди до сих пор помнят молчаливого и угрюмого старика, который часто посещал церковь, а также слегка выпивал.

Дьявол Дикон

Тридцать лет назад ко мне обратились две богатые старые деви. Я должен был нанести визит в Ланкашир в поместье недалеко от знаменитого леса Пендл, с которым нас так мило познакомили «Ланкаширские ведьмы» мистера Эйнсворта⁵. Мне предстояло произвести раздел небольшого имущества, включавшего дом и владения, которые дамы унаследовали задолго до описанных событий.

Последние сорок миль моего путешествия пролегали по малоизвестным и безлюдным проселочным дорогам. Окружающий пейзаж впечатлял красотой. Осенние краски добавляли живописности природе: я путешествовал в начале сентября.

В этой части страны мне никогда раньше бывать не доводилось. Говорят, что сейчас эта местность уже не такая дикая и, как следствие, не такая впечатляющая.

Я остановился на постоялом дворе «Три монахини», чтобы сменить лошадей и перекусить – было уже больше пяти часов. Хозяин – крепкий старик шестидесяти пяти лет – ока-

---

⁵ Уильям Харрисон Эйнсворт (1805–1882) – английский исторический романист. «Ланкаширские ведьмы» – единственный из сорока его романов, который постоянно печатался с момента первой публикации. Он был опубликован в 1848 году. Роман основан на реальной истории ведьм Пендла, которых казнили в 1612 году за причинение вреда с помощью колдовства.

зался человеком разговорчивым, доброжелательным, всегда готовым оказать любезность гостям. Он мог вести беседу сколько угодно и на любую тему – достаточно малейшего намека на то, что именно вы хотели бы обсудить.

Мне было любопытно узнать что-нибудь о Барвайке – так назывались поместье и дом, куда я направлялся. Поскольку в радиусе нескольких миль от Барвайка не было ни одной гостиницы, я заранее написал управляющему с просьбой о ночевке в поместье.

Но хозяин постоянного двора почти ничего не смог рассказать о Барвайке. Прошло более двадцати лет со дня смерти старого сквайра Боуза, и с тех пор в доме никто не жил, кроме управляющего с женой.

– Тому Уиндзору, управляющему, столько же лет, сколько и мне, но он немного выше и не такой плотный, – поведал мне толстый трактирщик.

– Но ведь об этом доме ходили нехорошие слухи, – настаивал я. – Говорят, из-за них новые жильцы не желали селиться там?

– Бабушкины сказки. Это было много лет назад, сэр. Я ничего такого не помню – совсем ничего. Долго пустующий дом всегда обрastaет слухами. Глупые люди вечно болтают разные небылицы, но о Барвайк-холле я за эти двадцать лет ничего не слышал.

Все попытки добиться от старика большего оказались тщетными. По неизвестной причине хозяин «Трех мона-

хинь» не захотел рассказывать истории о Барвайк-холле, хотя, подозреваю, на самом деле помнил их. Немного разочарованный, я заплатил по счету и пустился в путь, хотя в целом остался доволен теплым приемом в этой старомодной гостинице.

Через час повозка пересекла дикую пустошь. Я знал, что через четверть часа после того, как экипаж минует ее, я доберусь до дверей Барвайк-холла.

Торф и сухая трава скоро остались позади. Дорога снова проходила через лес – он так нравился мне своей естественной красотой, почти не нарушаемой ни малейшим движением. Я выглядывал из окна экипажа и вскоре заметил объект, который уже некоторое время искали мои глаза. Барвайк-холл оказался большим причудливым черно-белым домом с крутой крышей. Вертикальные балки и углы дубового каркаса, черные, как эбеновое дерево, выделялись на фоне белой штукатурки, покрывающей каменную кладку. Это строение елизаветинских времен окружали ряды деревьев, напоминавшие парк. Старые стволы внушительной высоты отбрасывали на лужайку длинные предзакатные тени.

Стена вокруг парка посерела от времени и заросла плющом. В глубокой тени, контрастирующей с тусклыми огнями вечера, отражающимися в листве, в пологой ложбине раскинулось озеро. Выглядело оно холодным и черным и, казалось, с виноватым видом скрывалось от посторонних глаз.

Я и забыл, что в Барвайке есть озеро. Но в тот момент,

когда оно привлекло мое внимание, как привлекает холодный блеск змеи в тени, я инстинктивно почуял опасность. Я знал, что озеро связано с таинственной историей, услышанной мною в детстве, но не мог вспомнить подробностей.

Я проехал по заросшей травой аллее под ветвями благородных деревьев, чья листва, окрашенная в осенние красно-желтые цвета, удивительно гармонировала с лучами заходящего солнца.

Я остановил экипаж у дверей, вышел и внимательно осмотрел фасад дома. Передо мной стоял внушительный и унылый особняк со следами долгого запустения. Его большие деревянные ставни по старинке закрывались снаружи. Высокая густая трава и назойливая крапива густо росли во внутреннем дворе. Тонкий мох покрывал деревянные балки, а на штукатурке, обесцвеченной временем и погодой, проступали красновато-коричневые и желтые пятна. Несколько величественных старых деревьев, тесно окружавших дом, нагнетали мрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.